

Екатерина **ВИЛЬМОНТ**

~~ЗНОЗНОКА~~ и друзья

A • S • T

Екатерина Николаевна Вильям- Вильмонт Зюзюка и другие

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175180

Е. Вильмонт Зюзюка и другие: АСТ, Астрель; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-055024-1, 978-5-271-21956-6

Аннотация

Три женщины... Три судьбы... Три характера... Мать, дочь и внучка... Для них не важны разделяющие их расстояния и вечный конфликт поколений. Каждая из них – одна с девичьим максимализмом, другая – с несладким грузом любовных неудач, третья, вроде бы защищенная мудростью прожитых лет, – стремится к одной и той же цели: найти свое настоящее женское счастье. Где же прячется это счастье? Может быть, далеко-далеко от родного дома, среди **«Зеленых холмов Калифорнии»?**

«Кино и немцы!» Вроде бы совсем обычный Новый год, который люди так часто отмечают в теплом семейном кругу, вдруг превратился для Майи в кутерьму событий и неожиданных встреч. И старт Новому году дал чужой ребенок, позвонивший в дверь ранним утром первого января, – настоящий новогодний подарок, с которым в жизнь героини пришли и новые друзья, и новая любовь...

«Зюсюка, или Как важно быть рыжей». Неожиданно найденная старая, еще от бабушки, талисман-игрушка Зюсюка в корне меняет жизнь Даши. Новый дом, прическа, а главное – новая любовь – и это только начало!

Содержание

Зюсюка, или Как важно быть рыжей
Конец ознакомительного фрагмента.

5
87

Екатерина Вильмонт

Зюзюка и другие

Зюзюка, или Как важно быть рыжей Веселая история

– Ну что, Дашка, когда новоселье?

– Когда разберусь и все устрою.

– Скучная ты, вообще-то новоселье принято праздновать прямо в день переезда...

– Не знаю, у кого-то, может, и принято, а у меня нет.

– А я вот помню, когда отцу на работе квартиру дали, так прямо в день переезда гости нагрянули. На полу сидели, на газетах ели, а весело было...

– Это в незапамятные времена, а теперь все по-другому.

Но, думаю, через месяц можно будет всех собрать.

– А кошка?

– Кошку надо бы...

– Хочешь, я тебе перса подарю? У моего троюродного брата кошка на сносях...

– Нет, перса не хочу. И не надо дарить, я сама найду...

– А кто тебе при переезде помогать будет?

– Никто. Я сама...

– А хочешь, я приеду?

– Да нет, не стоит, спасибо, конечно... Пойми, Кристинка, я хочу всем устроить сюрприз. Я же начала новую жизнь...

Полгода назад я вдруг решила кардинально поменять свою жизнь. И начала с продажи огромной родительской квартиры в престижном Доме на Набережной. К сорока годам я сообразила, что вряд ли мне понадобится в будущем четырехкомнатная квартира, к тому же у меня не хватало денег на содержание этих хором. В паркете образовались щели, рамы на окнах рассохлись, сантехника пришла в негодность, а на кухне поселилась мышка, маленькая и хорошенькая. Я бы не возражала против ее присутствия, но как-то ко мне зашла подружка, увидела ее и чуть в обморок не хлопнулась... И еще – меня бросил любовник, это оказалось последней каплей. Я рыдала, билась головой о трухлявую стенку, на меня сыпалась побелка и штукатурка... А бросил он меня после того, как во время... ну, сами понимаете во время чего, под нами сломалась кровать.

– Так недолго и импотентом стать! – вопил он, — что тут смешного? Ты все смеешься, дурища, а я больше не желаю видеть этот дом Эшеров! – он натянул штаны и ушел. Навсегда. Он был красивый, умный, читал Эдгара По и был неотразим в постели... В этом качестве он себя ну очень высоко ценил и боялся травм. Я вдогонку посоветовала ему застраховать драгоценное орудие на кругленькую сумму, но он не

оценил юмора, и я осталась одна. Поплакав несколько дней, я стряхнула с себя побелку со штукатуркой и позвонила бывшей коллеге, которая нынче держала риэлтерскую контору. Когда она назвала мне предположительную цену моих хормом, я сперва даже не поверила.

– Чудачка, сейчас квартиры в Москве бешеных денег стоят, а уж с видом на Кремль... Тебе надо тоже подыскать достойное жилье в приличном районе, ты же в какое-нибудь захолустье не поедешь, правда? И ремонт, наверное, придется делать нешуточный. Так что если две трети суммы сбросить, все равно сможешь несколько лет безбедно жить и не работать. А новую жизнь начинать полезно, это я тебе как риэлтер говорю!

Я думала это долгая история, но покупатель нашелся буквально через неделю, а еще через две я увидела свою будущую квартиру и сделка состоялась. На всякие формальности ушел еще месяц, но загвоздка была в том, что моя новая квартира тоже требовала ремонта, а покупатель хотел, чтобы я как можно скорее освободила жилплощадь. Но и тут помогла Алка: нашла мне съемную однокомнатную хату, а вещи я вывезла к ней на дачу с условием, что большую часть мебели оставляю ей. Я с восторгом согласилась, мне не хотелось брать в новую жизнь ничего, кроме старинного секретера красного дерева и туалетного столика. Они принадлежали еще моей бабушке, в которой я души не чаяла.

Я хотела переехать окончательно, когда в квартире все

уже будет готово. К тому же я уволилась с работы, новая жизнь во всем должна быть новой, тем более сейчас у меня есть возможность оглядеться в поисках лучшей доли. Новая жизнь так новая жизнь. В плане стояла еще смена машины и собственного имиджа. Короче говоря, новоселье я устрою, когда сочту, что изменилась полностью! Пусть все ахнут! Я так спешно освобождала родительскую квартиру, что многое просто пихала в огромные пластиковые мешки и сумки. Теперь же я действовала так: завозила энное количество сумок и разбирала. Что-то выкидывала сразу, что-то размещала в многочисленных стенных шкафах, что-то складывала в сумки, чтобы отдать тем, кто в этом нуждается. Вот и сегодня я завезла с Алкиной дачи бабушкин сундучок и шесть огромных челночных сумок. Знаете, такие пластиковые, в клеточку? И принялась разбирать их под песенки Хулио Иглесиаса. Люблю я его, что поделаешь. Сумки я разобрала быстро, почти все шло просто на выброс, а вот сундучок... Там хранились альбомы с фотографиями, старые и даже старинные, бархатные, плюшевые, с фигурными прорезями для уголков, бабушкины... Это я сохранию, хотя добрую половину фотографий я уже не могла бы «атрибутировать», как говорит мой приятель, великий знаток истории русского дворянства. Сидя на полу, я стала просматривать альбомы, между страницами которых попадались засушенные цветочки, открытки, письма... Рядом со мной лежал маленький автомобильный пылесос – не разводить же пыль в новой квартире. Даже

если это пыль веков. А вот и любимая шкатулка моего детства. Она стояла у бабушки на туалете. Туалет я отреставрировала, а шкатулка имеет прямо-таки плачевный вид, на туалет не поставишь... Я открыла ее, и оттуда вылетела моль! И вдруг меня как что-то стукнуло в сердце. Зюзюка! Неужто любимую игрушку моего детства сожрала моль? Вот она! Не сожрана, но побита молью.

– Зюзюка, милая моя!

Я осторожно вынула ее из шкатулки. Ничего, я ее почию. Зюзюка представляла собой странный и очень забавный чехольчик для бабушкиной золотой пудреницы. Пудреница по-прежнему лежала в чехольчике. Круглая, красивая, хоть и потускневшая от времени. Я открыла ее. На меня пахло детством, бабушкиными духами, счастьем, уютom большой семьи, от которой осталась только я, а после меня уже никого... Замочек на пудренице сломан, зеркальце потускнело, пуховка свалаялась... Как давно я не брала все это в руки и даже не вспоминала... Лет двадцать пять, наверное. А вот Зюзюка была все такой же мягкой и нежной. Ее, по словам бабушки, связала ее прапрабабушка, связала не для пудреницы, а для чего-то другого, но бабушка так любила Зюзюку, что только ей доверила дорогую безделку, подаренную одним из ее многочисленных поклонников. По-видимому, даритель был особенно дорог бабушкиному сердцу. Зюзюка, связанная из чудесной мягчайшей темно-серой шерсти, напоминала ежика. Вместо глаз черные бусинки, носик из чер-

ной кожи, а ротик обшит красной шерстяной ниткой. Почему этот чехольчик носил имя Зюзюка, бабушка не помнила. Как-то в детстве у меня разболелся зуб, я стонала, даже плакала, а бабушка дала мне в руки Зюзюку и велела приложить к щеке, через полчаса боль прошла. С тех пор я особенно полюбила Зюзюку. Но потом заболела и умерла бабушка, потом папа ушел от мамы, через два года вернулся с повинной головой, но семейная жизнь уже больше не склеилась, старший брат погиб в горах, а я выросла, у меня началась бурная жизнь, я вышла замуж, развелась, через три года еще раз попытала счастья, и опять неудачно, вернулась к родителям, которые постоянно ссорились, мама не могла простить отцу его уход, хотя сейчас мне сдается, что не прощала она ему его возвращения... Одним словом, миром в нашем доме уже и не пахло... Может, именно потому я так легко, без душевных терзаний, рассталась с родительской квартирой, не только из-за денег. А вот Зюзюка... Я внимательно ее осмотрела, даже обнюхала. От нее пахло пылью и нафталином. И на спинке красовалась дыра.

– Ничего, моя дорогая Зюзюка, я тебя выстираю и почию, мне еще бабушка велела хранить тебя как зеницу ока.

Я вскочила и побежала в ванную. Налила в раковину немного воды, добавила капельку шампуня и осторожно опустила Зюзюку в воду... Когда шерсть намочла, любимая игрушка моего детства превратилась в жалкий серый комочек. Я боялась, что старая шерсть просто расползется в воде, но

нет. Несколько раз я меняла воду, потом надела Зюзюку на руку, как варежку, и прополоскала холодной водичкой. Слегка отжала и уложила на махровое полотенце.

– Высохнешь, я тебя почию, будешь как новая. А у тебя даже довольный вид. Я тебе еще носик постным маслом протру, – пообещала я подруге детства. – А теперь спи!

Что это, совсем я, что ли, рехнулась, разговариваю с кусочком шерсти... Да, одиночество до добра не доведет. Ну да ничего, я скоро начну совсем новую жизнь и уже не буду одна, я найду себе любимого мужчину, только буду все-таки держать на расстоянии, пусть это даже будет брак, но, как нынче модно, гостевой. Так хорошо, так удобно. Детей-то заводить мне уже поздно. Вышла я из репродуктивного возраста. Кажется, это так называется?

Я довершила все разборки, убрала пыль и мусор и, оставив Зюзюку сохнуть, поехала на свою временную квартиру собирать очередную порцию вещей...

Вечером позвонила Кристина.

– Привет, как дела?

– Идут! Надеюсь, дней через десять перееду.

– Чего так долго?

– Кристинка, это уже сказка про белого бычка. А что у тебя?

– Понимаешь, тут такое дело...

– Что-то случилось?

– Тебе работа нужна?

– Ну, в принципе... А что за работа?

– Прямо противоположная твоей прежней.

– То есть?

– Ага, заинтересовалась!

– Конечно, мне уже не столько лет, чтобы можно было делать большие перерывы.

– Занята будешь с утра до вечера, но не всегда.

– Кристинка, не темни!

– Понимаешь, одна моя знакомая держит контору по организации всяких торжеств, ну, свадеб, юбилеев, поминок.

– Поминки – это тоже торжество?

– Ну, в некоторых случаях еще какое, – рассмеялась Кристина. – Так вот, этой знакомой нужен человек с представлениями о приличиях, манерах, этикете и просто хорошем вкусе.

– Консультант, что ли?

– Фиг тебе, консультант! Организатор! И чем в бóльшую сумму обойдется заказчику мероприятие, тем больше будет твое вознаграждение. Ты будешь получать определенный процент, причем выглядеть это требование должно так, словно ты всячески стараешься сэкономить каждый цент заказчика.

– Ты думаешь, я справлюсь?

– А почему нет? У тебя очень честный и порядочный вид, предки, фамилия, язык подвешен, чувство юмора... Думаю, это как раз для тебя.

– А эта твоя знакомая... Она что из себя представляет?

– Жутко ушлая и вполне умная тетка. У нее хватило ума понять, что тут не нужны двадцатилетние девахи, которые вместо того, чтобы организовать свадьбу богатого мужика, начнут отбивать его у невесты. А дама около сорока – самое оно. Да еще с манерами и образованием...

– То есть, с ней можно иметь дело?

– Вполне. Ну, книжек она, конечно, мало читала, но для того она тебя и берет...

– То есть ты ей обо мне уже рассказала?

– А ты как думала? Я буду тут тебе все расписывать, не поговорив с ней?

– Знаешь, по-моему, это интересное предложение, но я смогла бы приступить не раньше, чем перееду...

– О, вот это уже меня никаким боком не касается. Я дам тебе ее телефон...

– Нет, лучше дай ей мой телефон.

– Почему это?

– Потому что я позвоню ей, она не сразу вспомнит, кто я такая, возьмет неверный тон, я как-то не так отреагирую... И вообще, лучше, когда тебе делают деловое предложение, чем когда ты просишь работу...

– Дашка, супер! Уверена, она будет в отпаде, это именно то, что ей требуется. Просто идеальный тест на профпригодность! Сейчас же звоню ей!

Мне вдруг безумно захотелось получить эту работу. Это

вам не в нотариальной конторе сидеть... И, главное, наверняка не нужно ходить на работу к определенному часу. Это Зюзюка, ее заслуга! – возликовала я, но тут же одернула себя. Погоди радоваться, может, эта тетка не позвонит.

Но тетка позвонила.

– Дарья Константиновна?

– Да.

– Меня зовут Виктория Аркадьевна, вам про меня говорила Кристина, это насчет работы...

– Да, да, я понимаю.

– Знаете, надо бы нам встретиться, поговорить, если вас это в принципе интересует.

– В принципе интересует, просто я на днях переезжаю на другую квартиру...

– Знаете, если мы договоримся, вы сможете приступить к работе через неделю. Управитесь?

– А давайте сначала встретимся...

– Точно! Завтра с утра можете приехать ко мне в офис?

– Во сколько и куда?

– В девять утра на Покровку, Девяткин переулок знаете?

– Найду.

– Отлично. Договорились. Запишите мой телефон на всякий случай. И мобильный тоже.

Тетка явно деловая, и голос не противный, с утра пораньше уже сама сидит в офисе... И дает мне неделю на устройство дел... Надо попробовать!

Первое, что бросилось мне в глаза в офисе, рекламный плакат фирмы со словами: «Все будет мило и радостно!» Я засмеялась. Дело в том, что моя фамилия Милорадова. Висели там и другие плакаты, обещающие немислимую роскошь, гламур и массу удовольствий. Я так поняла, что это все в зависимости от кошелька заказчика: кому-то гламурненько, а кому-то мило и радостно.

В офисе находился только охранник, просивший меня подождать минут пять, так как Виктория Аркадьевна попала в пробку.

Офис был очень приличный, современный и даже красивый. Буквально через две минуты появилась женщина лет пятидесяти, в шикарной шубе, с располагающим лицом простой русской бабы.

– Дарья?

– Да.

– Умничка, не опоздала. Прости, но я угодила в пробку. –
Ничего, что я на ты? Мне так проще. Огляделась уже?

– Более или менее.

– Снимай куртку и пошли в кабинет. Кофе-чаю хочешь?

– Да нет, спасибо.

– Вот и славно, а то секретарша в десять приходит, а я страсть как не люблю возиться. Садись.

Кабинет был маленький, она протиснулась в свое начальственное кресло.

– Ну, в общих чертах Кристина тебе твои задачи обрисовала?

– В общих чертах да. Но этого мало.

– Понимаю. Но чего я зря буду разводить ля-ля тополя, если тебя это может не устроить. Хотя скажу честно, я бы хотела, чтобы ты у нас работала. В тебе явно есть то, что я ищу...

– Как вы могли это понять за две минуты?

– Жизненный опыт. Но ты мне подойдешь, а вот подойдет ли тебе такая работа... Ты с людьми умеешь? Ладишь?

– Смотря с кем...

– Да, иной раз такая шваль попадается... Но работать все равно нужно. Клиенты – наш хлеб. Вот для примера тебе расскажу, чтоб ты в курсе была, что тебя ожидать может. В прошлом году обращается к нам одна девица, мурка-гламурка эдакая, во всех журналах светится, из себя просто супердаму корчит, ну да не в том дело. Книжку она, видите ли, написала, ну сейчас кто только книжек не пишет, жук и жаба. И желает она презентацию устроить. Желание клиента – закон. Ну, мы с издательством связались, оно там многое оплачивало... Ресторан клевый сняли, приглашения напечатали, вечеруха крутая предстояла. Вдруг приходит ко мне девочка из издательства что-то там утрясать, я смотрю, ее буквально колотит... Оказалось, наша светская львица потребовала, чтобы от издательства ей подарок преподнесли.

– Потребовала подарок? – удивилась я.

– Ага! Ну, подарки в таких случаях приняты, у них даже статья расхода такая есть – на подарки авторам. Но фишка не в том. Знаешь, что она в подарок потребовала?

– «Мерседес»?

– Ну, «мерседес» ей фиг кто подарит, разве что хахаль. Нет, она захотела... фаллоимитатор!

– Что? – поперхнулась я, не поверив своим ушам.

– Что слышала! – хмыкнула она. – Каково?

– И что? Подарили?

– Ага!

– Они что, больные?

– Похоже на то. Но это еще не все! Она потом, после презентации, позвонила и сказала, что не пользовалась им, он ей больше не нужен и они могут его забрать.

– Так им и надо! – сказала я в сердцах. – Это же все чудовищное хамство, чудовищное... И я просто уверена, что книжка бездарная... Ужас!

– Ты вот тоже не понимаешь! У них это называется – приколы! Прикольно в ихней гламурщине, что выходит представитель издательства и дарит искусственный хер! Ничего особенного, просто приколы. А мы, видать, устарели, чтобы понимать такие приколы.

– Да уж... И часто у вас подобные клиенты бывают?

– Случается... Правда, у нашей конторы к ней претензий не было, просто очень уж она противная.

– А хоть красивая?

– Да ну, так себе. Вся сделанная.

– Черт с ней, Виктория Аркадьевна. Хотелось бы понять, что я должна делать?

Она долго объясняла мне суть моих обязанностей и для начала поручила организовать банкет на пятьдесят персон в честь серебряной свадьбы родителей одной чемпионки по теннису. Там требовалось, чтобы все было тонко, изысканно, без показной роскоши, но все-таки роскошно. Звезда тенниса хотела сделать сюрприз родителям. Отец у нее первая скрипка в знаменитом оркестре, а мать в прошлом балерина.

– Люди приличные, с представлениями, фаллоимитаторы не запросят, дочка отстегивает на банкет кругленькую сумму, торжество состоится через полтора месяца, так что, надеюсь, ты справишься. Тут можешь теннисистку хорошо раскрутить, девка с миллионами. Разговаривать будешь с ее представителем, он же ее двоюродный брат, знает все привычки и предпочтения родителей...

– А вдруг я не справлюсь?

– Почему это?

– Ну мало ли...

– Ерунда, подумаешь, банкет для приличных людей за большие деньги... Тут любая коза справится! Представь себе, что ты это организуешь для себя. И потом я никогда не откажу тебе в советах. Приходи, спрашивай. Ты в ресторанах ориентируешься?

– Нет, не очень.

– Ладно, я с тобой займусь.

И она начала читать мне лекцию о московских ресторанах и рестораторах, о том, как организуют подобные мероприятия, что входит в мои обязанности. В результате мне показалось, что, пожалуй, я смогу с этим справиться.

– Значит, так, даю тебе неделю на предварительный проект, покажешь мне и потом свяжешься с двоюродным братом. Если он все одобрит, займешься этим вплотную. А не выйдет у тебя, значит, успею поручить кому-то другому или, на худой конец, займусь сама. Справишься, возьму тебя в штат. И еще запомни – учитывать надо все! Например, в ресторане не должно быть душно, когда пятьдесят человек за стол сядут и все наверняка принесут цветы... Сортиры должны быть не на одно очко, а то есть симпатичные заведения, где пятьдесят задниц разместить можно, а сортир один. И что тогда?

– Господи, мне бы и в голову не пришло...

– Но теперь ты это знаешь. Вперед и с песней! Значит, через неделю жду тебя с предложениями. Да, а как твоя фамилия?

– Милорадова.

– Обалдеть! Ты небось видала у нас плакат? Мило и радостно? Вот сейчас у нас как раз тот случай, когда все должно быть мило и радостно, усекла?

– Кажется, да.

Я вышла из офиса в приподнятом настроении, но уже че-

рез полчаса оно сменилось глубокой растерянностью. Да, я имею кое-какие представления о хороших манерах, и я, что называется, из бывших, предки по отцу были дворянами, но после революции кто-то эмигрировал, кто-то тщательно скрывал родство с эмигрантами, кого-то посадили, кто-то погиб на войне и в блокаду, короче говоря, то, что застала я, уже называлось советской интеллигенцией... А я и вовсе уже никто, так, дамочка с воспитанием, обнищавшая в перестройку, менявшая одну работу за другой в поисках пропитания, а поскольку я была еще довольно молода, то искала себе партнера, руководствуясь представлениями юности, вернее, бабушки, вот и осталась одна. В последнее время я работала в частной нотариальной конторе помощником нотариуса и дохла с тоски. Поэтому представления о сегодняшней жизни людей, которые в состоянии позволить себе заказывать банкеты в шикарных заведениях, у меня нет. Я знаю, как накрыть стол, но вдруг сегодня эти правила поменялись? Если светская львица просит не у подружки, а у почтенного учреждения фаллоимитатор, и учреждение на это идет... значит, я ничего не понимаю в этой жизни, а следовательно, вряд ли могу потрафить сегодняшним вкусам. К тому же в ресторанах я бываю крайне редко. Тот любовник, который читал Эдгара По, случалось, приглашал меня в рестораны, но в скромные, недорогие, что называется «на одно очко». О заграничной кухне могу судить разве что по передаче «Едим дома», сама же я готовлю хоть и вкусно, но по старинке и не

имею понятия, что такое «масло первого отжима». Короче, я совсем пала духом. Но потом вспомнила, что, собственно говоря, сейчас я вполне могу себе что-то позволить... Хотя, с другой стороны, тратить деньги на всякие пустяки страшновато. Да, я легко и радостно обставляла и благоустроивала квартиру, но ведь это покупается надолго, может, и до конца жизни... Наверное, надо поскорее переехать и начать эту новую жизнь. Попробую все-таки справиться с заданием, я вообще-то человек обучаемый, надо, вероятно, почитать какие-нибудь гламурные журналы, может, что-то почерпну... И в Интернете порыться следует. У меня, правда, еще нет компьютера, ну ничего, схожу несколько раз в Интернет-кафе... А вообще-то, надо купить компьютер, пока есть такая возможность... Короче, еще не поздно попытаться догнать время...

Я поехала на съемную квартиру, собрала еще несколько сумок и на пути к новому жилищу вдруг вспомнила про Зюзюку. Недалеко от моего нового дома находится магазин «Рукоделие». Я заехала туда и обалдела. Чего там только нет! Но вот шерсти, похожей на Зюзюкину, не было. Я перерыла весь магазин, и в результате девушка-продавщица, которой, видимо, было смертельно скучно, решила мне помочь и отыскала-таки моток серой пушистой шерсти, правда, значительно светлее, чем я хотела.

– Ничего, освежите вашу подружку детства, – очаровательно улыбнулась девушка. – Знаете, у меня бабушка класс-

но вяжет, она говорит, что шерсть этой фирмы самая лучшая. Она, конечно, здорово дорогая, но поскольку остался всего один моток, я вам сделаю хорошую скидку. Берите, не пожалеете.

От общения с милой девушкой и от прикосновения к дорогой шерсти я опять воспряла духом. И первое, что сделала, войдя в необжитую квартиру, я побежала в ванную. Зюсюка по-прежнему лежала на стиральной машине и, бедненькая, совсем скукожилась. Я опять надела ее на руку. После стирки один глаз повис на ниточке, носик еще больше сморщился, а красная нитка совсем полиняла. Да, жалкий вид имела моя подружка. Ну да ничего! Я неплохо вяжу и вышиваю. И оставив сумки неразобранными, я уселась в новое кресло и занялась рукоделием. Много времени это не потребовало, я аккуратненько заштопала дырки, и получилось мило – на темно-сером фоне светло-серые горошки. А чтобы они не выглядели заплатками, вышила еще несколько горошков. Потом быстренько распустила красную варежку, черт с ней, мне красные варежки уже не по возрасту, – и сделала ротик. Укрепила бусинку и намазала жирным кремом нос. Моя подружка стала как новая. Я полюбовалась делом рук своих и поцеловала Зюсюку. А пудреницу решила отдать в починку одному приятелю, ювелиру по профессии, работающему консультантом в фирме по продаже заграничной дорогой бижутерии. Почему-то мне казалось безумно важным привести в порядок бабушкино наследство. И вдруг я словно

услышала бабушкин голос:

«Данюша, ты береги пудреницу и особенно Зююку. Вырастешь, обязательно носи ее в сумочке, это твой талисман». Я почистила пудреницу и засунула в Зююку. Потом положила ее в сумочку. Может, этот забытый талисман принесет мне счастье? Да не счастье, какое счастье в моем возрасте, а просто удачу... Потом я быстро разобрала сумки и поняла, что, собственно, через три дня смогу окончательно переехать.

Вечером я, едва живая от усталости, включила телевизор и сразу наткнулась на какую-то «гламуршину», как выражается Виктория. И одним из персонажей была та самая особа с фаллоимитатором. Она рассказывала, как следует одеваться на вечеринку в непринужденной обстановке. Она была красивая, но при этом какая-то совершенно безликая. Я бы в жизни не обратила на нее внимания, если бы не рассказанная Викторией хохма. А впрочем, хохма даже не смешная, а гадкая. На другом канале выступал Жванецкий, вот тут были хохмы! Утешало лишь то, что Жванецкий был на Федеральном канале, а мурка-гламурка на дециметровом.

Когда я наконец легла спать и уже закрыла глаза, мне вдруг стало нестерпимо стыдно, что я оставила Зююку одну в новой необжитой квартире, дело в том, что сумочка у меня была маленькая и объемистая пудреница в вязаном чехле занимала там слишком много места. И я тут же решила с утра поехать и купить ту черную сумку, на которую на днях обли-

зывалась в универмаге «Москва». Сумка была очень дорогая, и я не решилась потратить столько денег, хоть они у меня и были. В той сумке было много отделений, и одно словно специально предназначалось для такого вот талисмана. Приняв благое решение, я сразу уснула.

А с утра помчалась на Ленинский. К счастью, сумка там была, и я с восторгом и уже без всякого страха ее купила. Кстати, бабушка когда-то учила меня – пока ты молодая и тебе чего-то очень сильно хочется, и ты можешь это купить, не влезая в долги, покупай! Что я и сделала! Настроение сразу поднялось, и я решила что... В этот момент зазвонил телефон. Виктория!

– Алло, Дарья?

– Я!

– Даш, тут вот какое дело... Клиент твой того...

– Умер? – ахнула я.

– Да нет, живехонек, только он жену бросил... Так что сама понимаешь, серебряная свадьба накрылась медным тазом.

– Ни фиги себе! Седина в бороду... Так может, надо организовать ему просто свадьбу, а?

– Мне нравится твой подход, но пока еще рановато.

– Есть другие заказы? – деловито осведомилась я.

– В данный момент нету. Но если приведешь клиента, ради бога. Ты там пошукай по знакомым, никто ничего такого не планирует?

– Да вроде нет, вот разве что кто-то помрет мило и радостно... Виктория Аркадьевна, я так понимаю, что пока могу быть свободна...

– Пока да. А если что, я тебя найду...

– Понятно. Всего наилучшего.

Очень, очень странно. То она принимает меня с распростертыми объятиями, то даже не очень деликатно дает понять, что я ей не нужна. Или она сумасшедшая? Интересно, теннисисткин папа и впрямь схильнул от супруги или... Надо посмотреть в Интернете. Но если честно, я даже обрадовалась. Зачем мне в чужом пиру похмелье, и кто может гарантировать, что я не налечу на гламурную компашку с ее приколами? Не хотелось бы! Ладно, найду я себе работу по душе, это ерунда, что сорокалетние никому не нужны! Чушь собачья! В своей новой жизни я буду нужна всем! Не знаю пока, в каком качестве и на какую зарплату, но... Одно я точно знаю – в нотариальную контору не вернусь!

Итак, сегодня мне не надо заниматься поисками ресторана «на много очков».

Первым делом я помчалась на новую квартиру за Зюзюшкой, а по дороге накупила кучу бытовой химии, туалетную бумагу в цветочек, бумажные полотенца, салфетки. В результате образовалось два неподъемных громоздких пакета, которые я едва доволокла до лифта. Когда на моем этаже лифт открылся, я остолбенела: там стоял мужчина... Красивый, роскошный, с такой улыбкой, что хотелось умереть от

счастья.

– Вы собираетесь выходить? – засмеялся он.

– Ой, простите, я не ожидала. Я сейчас...

– Вам помочь? О, вы нагрузились! Вы что, моя новая соседка?

– Да, по-видимому...

– Отлично, я рад!

Он поставил пакеты у моей двери.

– Извините, я спешу! До свиданья! С новосельем!

Обалдеть! Его лицо показалось мне знакомым... Актер он, что ли? Но каков... Глаза черные, волосы черные, улыбка смертельная... И он сказал «моя новая соседка». Моя, не наша! Наверное, он живет один... Идиотка, опомнись, что ты застыла у запертой двери, ему от силы лет тридцать пять, а тебе уже сорок. Ну и что?

Я ж не замуж хочу, я любви хочу... Да зачем такому роскошному сорокалетняя безработная... А тебе он зачем? Не по чину берешь, подруга... У него небось вереницы баб, одна краше другой... Помечтала, и будет. Просто приятно, когда такой сосед... А что в этом приятного? Неходишь дома распустехой. Мало ли, вдруг он придет за перцем? На фиг тебе такой перец? Тебе больше сгодится немолодой, утомленный жизнью, недокормленный... А этот наверняка сам себе жарит огромные куски мяса с перцем... Перец с перцем.

– Зюзюка, я пришла!

Я прижала к щеке мягкую шерсть и сразу как-то успокои-

лась. В самом деле, чего я взбуктенилась, как говорил папа, при виде красивого мужика? А что, имею право хоть изредка взбуктениться, правда?

Первым делом я положила в новую сумку Зююку с пудреницей. Они так уютно легли в просторном шелковом кармашке.

Прошло два дня, и я окончательно переехала в новую квартиру. Мне так все здесь нравилось, что я даже спать нормально не могла, вскакивала и начинала обход своих владений.

На утро было назначено следующее мероприятие по обновлению жизни – поход в салон красоты. Его мне рекомендовала одна знакомая, волшеббно преобразившаяся без пластических операций. Ей сделали такую стрижку, что я едва ее узнала. Это было уже довольно давно, но впечатление не потускнело.

– Вы хотите новый облик? – спросил меня милый и явно голубой хозяин салона.

– Да, и пусть это будет что-то смелое, может, ассиметричное, словом эдакое...

– Вы мне доверяете?

– О да!

– Отлично, доверие уже залог успеха, а макияж будем менять?

– Все будем! Не годится только лысая башка и розовый

цвет!

– Хорошо, работаем! Расслабьтесь.

Я расслабилась. И даже в какой-то момент задремала, пока он возился с моей головой. Часа через два мне показали меня. Но это была не я!

– Нравится?

Я даже не могла ответить, настолько неожиданным был результат. Я, конечно, понимала, что увижу себя преображенной, но... Из зеркала на меня смотрела ярко-рыжая зеленоглазая... стерва лет тридцати от силы, незнакомая и прекрасная.

– Это я?

– Ну не я же! – рассмеялся мастер. – Вы дали мне карт-бланш, и я рискнул, мне показалось, это ваше...

– Круто...

– У вас в роду не было рыжих?

– Были! Моя бабушка была рыжей, я, правда, помню ее уже седой...

– Вот видите, я угадал, у вас генетическая предрасположенность к рыжему цвету, смотрите, глаза как заиграли, и белая кожа теперь оправданна, не кажется, что вы бледная, просто белокожая.

Я все еще потрясенно таращилась в зеркало. Я и вправду стала похожа на бабушкины фотографии в молодости.

– А ваша бабушка прожила хорошую жизнь?

– Ну, по-разному бывало, но... скорее да, хорошую, в ее

жизни было много любви...

– Вот увидите, у вас теперь тоже будет много любви.

– Дима, знаете, я сперва ошалела, а теперь я в восторге.

– Может, по чашечке кофе с коньяком?

– Можно, но без коньяка, я за рулем.

– Мои клиентки, как правило, за рулем, а я вот не люблю водить машину, меня это слишком напрягает.

– Дима, учтите, я теперь ваша постоянная клиентка!

Пока мы пили кофе, я то и дело косилась в зеркало, и в душе постепенно нарастал восторг. Это и впрямь начинается новая жизнь! И не стану я устраивать никакого новоселья. Слишком хорошо знаю, какую жгучую зависть может вызвать подобное преображение. Я всегда физически ощущаю зависть и боюсь ее. Конечно, я позову Кристинку, и пока больше никого... Новая жизнь так новая жизнь. Единственный человек, которому я просто жаждала бы продемонстрировать все обновления, это тот мой хахаль, который читал Эдгара По. Хочется утереть ему нос. Но сначала надо найти ему замену, и уж тогда... А что, в новом обличье это будет несложно. Но одно я знаю точно – первым делом надо купить новую помаду. Моя прежняя к рыжей голове не подходит. Сказано – сделано. Дима порекомендовал мне определенную фирму и два номера, дневной и вечерний. Купив ее, я прямо в машине полезла за зеркальцем, чтобы попробовать дневную, и сразу наткнулась на Зюзюку.

– Зюзюшенька, милая моя, это ведь благодаря тебе! – Я

прижала ее к щеке, потом поцеловала в кожаный носик.

По пути домой я, видимо, так замечталась о новой жизни, что не заметила, как меня подрезал какой-то «мерс». Я резко вывернулась, и тут же сзади меня ударила другая машина. Не знаю, как я успела затормозить, меня несло в сторону, я кого-то стукнула и от ужаса замерла.

– Эй, ты что, о..ела? – раздался чей-то нестерпимо грубый голос. – Баба за рулем! Эй, ты жива? Открой дверь, сука!

Если я слышу эту ругань, значит, жива. Но открывать дверь я не собиралась. Меня и так трясло от страха.

– Чего орешь, козел? Сам виноват, я видел, как ты ее подрезал. Дамочка, не бойтесь! Вам нужна «скорая»?

Этот второй голос был совсем другой, мягкий, приятный...

Я открыла окно. Судьба, что ли, стучалась в него? Это был такой здоровенный, такой красивый мужик лет сорока в кожаной куртке с пушистым меховым воротником...

– Вы целы?

– Кажется, да...

– Откройте, я вас осмотрю.

– Вы врач?

– Нет, но кое-что понимаю в этом деле...

– Слесарь-гинеколог? – проговорил тот первый хамский голос. – Открой, открой, я предлагаю по-простому: ты даешь мне штуку баксов, и разойдемся мирно, без этих гаишных жлобов. Время поджимает.

– Значит, так – ты даешь даме пятьсот баксов, и мы мирно разъезжаем.

– Ага, сам ей в задницу вмазал, а виноват во всем я? А ты ей сколько дашь? Или натурой расплачиваться будешь? Бабье таких кобелей любит, а эта еще вполне, так что и кайф словишь, и бабки сэкономишь!

Что произошло дальше, я не заметила, хам упал, но тут же вскочил и ринулся было на моего принца, но тут откуда ни возьмись появился гаишник. Обычно, когда их вызываешь, они могут приехать через пять часов. Однажды я так просто-яла чуть не всю ночь на окружной, а тут... Еще одно чудо? Я вылезла из машины. Красавец на джипе здорово изуродовал мне зад, сам же остался почти невредим, как, впрочем и «мерседес». Больше всех пострадал мой «жигуленок». Теперь, похоже, настал черед и машину менять... Ну да ладно, главное – сама цела, а железо будет...

Кончилось все тем, что галантный незнакомец посадил меня в свой невредимый джип, предложил отвезти в больницу. Я отказалась, тогда он ощупал мою голову, как настоящий врач, заглянул в глаза и сказал:

– Слава богу, все обошлось, хотя я бы все-таки советовал показаться врачу.

– А вы разве не врач?

– Нет. Просто я воевал, есть опыт.

Он был немногословен и прекрасен.

– А вы рыцарь...

– Не преувеличивайте, просто хамов ненавижу. Ну и помочь женщине в такой ситуации вполне естественно.

– Да? А вот скажите, как бы вы поступили, если бы в доме вашей... дамы под вами в самый интересный момент сломалась кровать? – сама не знаю зачем вдруг спросила я.

Он посмотрел на меня с веселым изумлением.

– А он что сделал?

– Я первая спросила.

– Ну, наверное, разозлился бы, но потом починил бы кровать, если бы она поддавалась восстановлению, а нет, купил бы новую... ну и наверстал упущенное, только и всего.

– Понятно. Вас надо занести в Красную книгу.

– Ну уж прямо... Но вы прелесть, Даша.

– Откуда вы знаете, что я Даша?

– Здравствуйте, приехали. Мы же только что оформляли документы. А как меня зовут?

– Простите, я была так ошарашена всем...

– Меня зовут Герман.

– Жаль, что я не Лиза...

– У меня первая жена была Лиза. Воспоминание не из приятных.

Вряд ли он читал «Пиковую даму», не говоря уж об Эдгаре По.

– А сколько у вас было жен?

– Полторы.

– Это как?

– Одна законная, вторая гражданская, но брак не для меня, я быстро понял.

– Вот и я тоже это поняла. У меня было два мужа. Больше не хочу, – твердо заявила я.

– Даша, я что-то проголодался. Может, заедем куда-нибудь пообедаем?

– Правда? С удовольствием. Я тоже голодная, все эти стрессы... Только я сама за себя плачу!

– Фу ты ну ты! Феминистка, что ли?

– Нет, но...

– Неужто есть мужики, которые соглашаются на такое?

– Да сколько угодно.

– Ко мне это не относится, но если вы такая независимая, то предлагаю следующую сделку. Я плачу за обед, а вы кормите меня на днях домашним ужином, годится?

Он набивается в гости! Я аж задохнулась от восторга. Пусть он не читает классику, но кровать починил бы... Это дорогого стоит. И вообще, на фиг мне его культурный багаж?

В ресторанчике, куда он меня привез, было очень уютно и даже горел настоящий камин. Он отлучился в туалет, а я вытащила из сумки Зюзюку и достала пудреницу, подкрасила губы, поправила волосы. За всеми этими событиями я совсем забыла, что я теперь рыжая стерва. Герман купился именно на противоречие – с виду рыжая стерва, а по сути баба, которую любовник бросил, когда от его же усилий сло-

малась кровать... Черт, а я ведь раньше никогда не думала, что это он, собственно, ее сломал! Это уже была идея рыжей стервы! Ура! Я сменила не только цвет волос, но, кажется, и строй мыслей... Неужто это реальность? Нет, волосы тут ни при чем, это Зюзюка. Милая моя старая Зюзюка, спасибо тебе за все.

Вернулся Герман. Ах, как он был хорош! Красавцем не назовешь, но рост, фигура, руки, губы, которые так и хочется поцеловать...

– Выбрали что-нибудь?

– Нет пока... Я тут звонила...

– Даша, а вы кто по профессии?

– Ой, у меня много профессий, но сейчас я безработная...

А вы?

– Ну, когда-то я учился в медицинском, потом бросил, армия, война, потом кем я только не был, испытывал машины, поломался, теперь у меня свое охранное агентство...

– Ух ты! Романтично...

И как-то опасно, сказала я уже про себя. Что-то от благородного бандита из сериала. Совсем недавно показывали. Но у него обольстительная улыбка. В конце концов, если он не скрывает этих фактов, значит, скорее всего, не бандит. Мог бы навести тень на плетень... Ой, когда же он придет ко мне на ужин?

– И кого вы охраняете, Герман?

– Кого придется. То чью-нибудь дочку или сына, то фир-

му, по-разному бывает.

– И большое у вас агентство?

– Когда начинал, нас было пятеро, а теперь у меня штат сорок человек.

– Ого!

– А какая же все-таки у вас основная профессия?

– Ну, вообще-то я филолог, после университета время трудное было, кидалась в разные стороны, бизнес, то-сё, последнее время работала помощником нотариуса. Но единственное, что я действительно знаю, это языки... Английский, французский, итальянский. Меня почти уже взяли в одну фирму организовывать свадьбы, юбилеи и прочие торжества... Но потом почему-то отказали. А я уже настроилась. Ничего, найду что-нибудь...

– На что же вы живете?

– Да пока есть кое-что... А там будет видно, не пропаду.

– Да уж конечно, с такими глазами, – с какой-то тоской произнес он. – А папа-мама у тебя есть? Ой, ничего, что я на ты?

– Ничего. Так проще. Нет, папа умер давно, мама не так давно, брат погиб в горах.

– И я тоже один. Детей нет. А у тебя?

– Ну, я-то точно могу сказать, что нет, а вот ты... кто знает, в любой момент может возникнуть дитя... Папа, я так долго тебя искал!

Он засмеялся.

– Черт, с чувством юмора у тебя все в порядке. Терпеть не могу баб без чувства юмора.

– А я мужиков!

– Тот, который кровать сломал, был без чувства юмора, я просто уверен!

– Да как сказать... Но в отношении себя – точно. Себя он любил так трепетно и нежно, что места для самоиронии уже не оставалось. А в остальном ничего...

– Не хочу о нем говорить.

– Ты первый начал.

Мы засмеялись, и уже через полчаса мне казалось, что мы с ним старые друзья, хотя в какие-то минуты сердчишко мое уходило в пятки, в этом Германе все же было что-то опасное, или это сериалы виноваты?

Он подвез меня до дома.

– Даш, за тобой ужин, не забыла?

– Нет, я девушка честная, ты завтра свободен?

– Завтра? Нет, давай лучше послезавтра. Годится?

– Вполне.

– Часикам к восьми я подгребу.

Ну и денек сегодня! Обалдеть! Плохо только, что я осталась без машины, а впрочем, я все равно собиралась ее менять, правда, не решила еще, что куплю взамен, но одно мне ясно – поддерживать отечественного производителя я больше не собираюсь! Конечно, джип и «мерседес» это не мой случай, но на «фольксваген» – я сколочусь! Да здравствуют

заоблачные цены на квартиры в центре! Я села на новый диван и тут же вскочила и помчалась к зеркалу. Как дела, рыжая стерва? Да, видимо, мой натуральный цвет волос – это ошибка природы. Будь я с детства рыжей, вся моя жизнь сложилась бы по-другому. Мне вдруг захотелось срочно кому-то показаться, кому-то из старых знакомых. Кристинка! Я позвонила ей, но оказалось, что она сейчас в Киеве у родителей и вернется только через неделю. Разумеется, я ничего ей не стала рассказывать.

– Ой, Дашка, я так жажду взглянуть на твою новую берлогу, просто жуть! Но папе сделали операцию, ерундовую, а ему кажется, что это что-то глобальное, так что придется еще тут поторчать. И вообще, я соскучилась... Да, как там Виктория?

Я в двух словах рассказала подруге о несостоявшейся карьере.

– Ясно, наверняка на твое место нацелился кто-то из ее родни, для нее это святое, хотя родственнички уже не один раз ее здорово кидали. Ну и черт с ней, значит, это не твое! Проживешь пока, надеюсь, ты еще не все бабки растратила?

– Нет, что ты... Ладно, Крестя, хватит трепаться. Приезжай скорее!

И я стала продумывать, чем накормить Германа. Поесть он любит, ест много, но не противно. И лучше всего приготовить именно обед, с супом. Придет мужик после трудового дня... И тут я сообразила, что в новой квартире у меня прак-

тически ничего нет. Ни специй, ни постного масла, пусто, хоть шаром покати. Время было еще не очень позднее, а за углом недавно открыли огромный супермаркет, и поскольку я осталась без машины, то закупки надо начинать немедленно. У лифта я столкнулась со своим соседом. Он взглянул на меня с некоторым недо-умением.

– Здравствуйте! – первой поздоровалась я.

– Это вы – моя новая соседка? Странно, я всегда обращаю внимание на рыжих женщин...

– А, просто я временно была не рыжей, – соврала я сходу. Наличие Германа вовсе не отменяло интереса к такому соседу.

– Далеко ли собрались в такой час с сумками?

– Да в супермаркет. Дом пустой, как...

– Могу подвезти, я тоже за продуктами, как-то все подъелось, народ вечно толчется...

Мы спустились к его синему «шевроле».

– Как удачно, что мы встретились, по крайней мере, я смогу купить побольше.

– Рад быть полезным такой красивой женщине.

Ого!

– А мы, между прочим, не знакомы. Соседям надо знать друг друга хотя бы по имени. Я Егор.

– А я Даша. Очень приятно.

В супермаркете мы разошлись по разным отделам, договорившись встретиться через полчаса у его машины. Раз я

сейчас при motore, надо купить что потяжелее. Соль, сахар, бутылки, соки. У полки с бакалеей я наткнулась на Егора, который загружал тележку макаронами.

– Почему именно «Макфа»? – любопытствовала я.

Он как-то озадаченно взглянул на меня.

– А черт его знает. Просто попался на рекламную удочку, эту самую «Макфу» рекламируют везде, я и клюнул. Но она и вправду вкусная. А вы пробовали?

– Нет, я как раз не люблю то, что навязывают.

– Вы умная. А я вот как идиот покупаюсь на все, — очаровательно улыбнулся он. – Но макароны моя страсть. Я работал одно время в Италии и пристрастился... Кстати, обязательно приглашу вас как-нибудь на спагетти.

– Спасибо, с удовольствием.

Я тоже бросила в тележку две пачки макарон. Пока не «Макфы». Сперва попробую у него. Да, рыжие волосы вместе с Зюзюкой творят чудеса. Два приглашения от совершенно охренительных мужиков за один день – это круто! Это начало новой жизни.

Егор не только довез меня, но и доволоч мои неподъемные сумки до двери.

– Спасибо огромное, Егор! Я ваша должница! И тоже как-нибудь приглашу вас, скажем, на чай с домашним печеньем.

Он посмотрел на меня каким-то странным взглядом и улыбнулся.

– Спасибо, но я не ем сладкого.

– Счастливей человек, – засмеялась я.

Эх, надо было мне сразу сказать, что я не ем макарон. Он решил изящно установить между нами дистанцию. Мол, до супермаркета подвез, сумки допер, и хватит... Хотя зачем тогда приглашал на макароны? Да понятно, у него вид такой... гламурный, а там такие, как я, не котируются. От гламурненьких надо держаться подальше, у них шутки какие-то... Ну их в баню! У меня есть теперь Герман, и пусть спрячутся все другие. Егор ему небось только до плеча, и вообще...

Распаковав сумки, я разложила покупки по шкафам, дав себе слово в новой жизни и в новой квартире никогда не бросать неразобранные пакеты, не оставлять на потом наведение порядка, словом, жить жизнью аккуратной рыжей стервы. Но, проделав все это, я обессилела. Быстренько приняла душ и завалилась спать, не забыв вытащить из сумки Зюзюку и поцеловать ее на ночь. Однако сил вернуть ее в сумку уже не осталось. Я сразу уснула.

Проснулась я от странного звука – как будто кто-то кряхтел. Что за черт, неужто телевизор забыла выключить? Я встала и поплелась сперва в туалет, потом в гостиную. Телевизор не работал. Видно, померещилось что-то. Я прислушалась. Кряхтенье повторилось, но звук шел из спальни. Привидение, что ли, в этой квартире водится?

Я вошла в спальню и увидела на тумбочке Зюзюку.

– Чего по ночам бродишь? – раздался старческий голос.

Я обмерла.

– Не бойся, это я, Зюзюка!

Кажется, я сплю!

– Тебе бабка твоя что говорила? Всегда держи Зюзюку при себе, а ты... Запихнула в сундук на много лет, меня там моль побила, и я уж думала никогда не проснусь, но ты все ж таки одумалась и привела меня в божеский вид, даже вон горошком украсила, а тут как раз срок подошел...

– Какой срок? – обалдело прошептала я. Мне почему-то совсем не было страшно, а только безумно интересно. Наверное, я все-таки сплю.

– Ничего ты не спишь! Все это наяву! В роду твоей бабки колдуньи были, вот одна из них еще при матушке Екатерине меня связала и так наколдовала, что я женщинам этой семьи советы даю по женской части...

– Какие советы?

– Ты вон нынче двух кавалеров повстречала...

– И что?

– Ты пудреницу-то открой, в зеркальце глянь – и все про этих кавалеров поймешь. Но имей в виду, я только после полуночи разговариваю... и до первых петухов.

– погоди, а с мамой моей ты тоже разговаривала?

– Нет, мама твоя не нашего рода... Потому бабка меня тебе завещала. Жене сына про всякие амурные истории думать негоже...

– Ой, а про бабушкины истории ты все знаешь?

– А как же!

– Расскажешь?

– Там видно будет!

– А почему тебя Зюзюкой звать?

– Это долгая история. Аннушка, она фрейлиной была при государыне Екатерине Второй, решила меня царице подарить, а то матушка мужчин очень любила, да неразборчива была. Аннушка царицу-то почитала и подумала: знала бы матушка-государыня, что из ее романов проистечет, может, и остереглась бы... Ну и подарила меня. Как-то государыня изволили винца выпить и про Аннушкин подарок вспомнили, достали из комодика, а я тут и заговори... Она, матушка, так перепугалась, какого-то там офицера, я уж и не помню, зовет, кричит: «Забери от меня эту игрушку, она человеческим голосом говорит...» А тот ей отвечает: «Назюзюкалась ты, Катя, вусмерть!» – и целует ее, а она шепчет: «Зюзюка... Зюзюка...» – немка же, слова такого «назюзюкалась» не знала. И Аннушка решила меня у себя оставить. И с той поры меня Зюзюкой кличут...

– А ты Аннушке помогла?

– А как же иначе? Я ей показала, что с ней будет, ежели она предложение одного графа примет, она ему и отказала. Так он и вправду заговорщиком был, через год его казнили... А семью его сослали... То же и при красных: я хозяйку спасла, ей тогда двадцать годков было и в нее один важный товарищ из Совнаркома влюбился, предложение сделал. Он

ей нравился очень, хоть и старше был намного. Ну я ей тоже все показала... Она, правда, и сама умная была, все говорила: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». А уж после нашего разговора она вовсе в провинцию уехала, подальше от Москвы. Тем спаслась. А товарища того вскорости расстреляли. И мать, и сестру посадили как ЧСВН, знаешь, что это такое?

– Член семьи врага народа?

– Именно, именно, Дарьюшка! А вот когда она прадеда твоего встретила и полюбила, я ей сразу сказала – выходи, не задумывайся, она вышла и прожила с ним много-много лет, бабушку твою вырастила, и, кстати, когда у нее любовь случилась на стороне, я ей тоже сказала, любить люби, но семью не ломай! Она послушалась и права оказалась... А ты вон все меня взаперти держала, да если б ты обо мне вовремя вспомнила, то и замуж за своего Ваську-поганца не вышла бы, да и за Ваньку тоже. Я б тебе, дурехе, объяснила, где твое счастье-то.

– И где же?

– Рядом было, да сплыло, теперь уж поздно.

– Ты о ком?

– Дело прошлое, чего о нем говорить.

– Зюзюка, ты мне не снишься?

– Еще чего! Я вообще-то с тобой разговаривать не хотела, но когда ты меня в теплой водичке искупала, да на мягоньком полотенчике сушить уложила, а потом горошком укра-

сила... Пожалела я тебя, боюсь, без меня опять глупостей наделаешь. Открой-ка пудреницу...

Я быстро открыла пудреницу и увидела там... собаку.

– Господи, да что это значит, собака какая-то...

– Видать, помешает тебе собака с этим соседом-то.

– Как может собака помешать?

– Чего не знаю, того не знаю... А вот увидишь. Теперь закрой пудреницу и снова открой, поглядим, что там у нас со вторым кавалером.

В зеркале не было просто ничего.

– Значит, ничего не будет... – огорчилась я.

– Не знаю, но, скорее всего, он тебе просто совсем не подходит, ты дворянского рода, а он... из другого сословия. Смерд.

– То есть его кандидатура даже не рассматривается? – засмеялась я.

– Выходит, так.

– А если я его люблю?

– Когда успела-то? Ты ж после него на соседа засматривалась, так что... Подожди, он к тебе завтра в гости собирался?

– Послезавтра.

– До послезавтра времени еще много, может, и еще кто появится.

– Зюзюка, милая, так не бывает.

– Все бывает! Запомни раз и навсегда – бывает все, а особенно хорошее, и никогда ничего не поздно. Вот бабке твоей

уж за пятьдесят было...

– И что? – безмерно удивилась я.

– Роман у ней случился, уж после деда твоего. Ей за пятьдесят, ему и вовсе на десять лет больше. Влюбились они, жуть просто... Ты уж тогда была не такая маленькая, ничего не замечала?

– Нет!

– Ну да, где уж вам, молодым, сообразить, что бабка твоя не старушка была, а немолодая дама, красивая, с манерами. Я помню ей сказала: «ничего у тебя не выйдет!» А она смеется: «Зюзюшенька, я уж в том возрасте, когда мне от любви ничего, кроме самой любви, не нужно, мне просто от ее присутствия в моей жизни хорошо»...

– И что же?

– Да ничего особенного, только он женатый был, жену боялся, в делах своих как-то запутался и бабку твою во всем обвинил... мол, отвлекала его от дел и всякое такое... Сам бы не сообразил, жена подсказала.

– Он дурак, что ли, был?

– Дурак, ясное дело.

– И чем все кончилось?

– Да ничем. Она плакала тогда, убивалась. Я ей говорю: «я ж тебя предупреждала»... Она мне знаешь что ответила: «Я рада, что не послушалась тебя, старая ворчунья. У меня пять лет счастливых было в том возрасте, когда у других даже воспоминания о любви потускнели совсем». И все по-

вторяла: «Не говори с тоской „их нет“, но с благодарностью „были“».

– Да, бабушка часто это говорила...

– Чего задумалась? А, я вижу, хочешь спросить, будешь ли ты счастлива?

– Вообще-то я совсем о другом спросить хотела, но раз ты сама завела этот разговор...

– Будешь обязательно, только я еще не знаю когда. Ты пойми, я ж не гадалка, я про будущее вообще не знаю. Ты вот мне кавалера предъяви, тогда я могу тебе сказать, годится он или...

– Или он смерд?

– Вот-вот...

– Да, Зюзюка, сегодня, наверное, самый удивительный день в моей жизни...

– Ты правильно все сделала, волосы перекрасила под бабку твою... Мне приятно... Я знаю, что ты хотела спросить – были ли у меня любимцы... Были. И твоя бабка самая любимая была. А вот ее бабку я не любила. Заносчивая, меня никогда не приласкает, пользовалась мной, как... Помнишь сказку про зеркальце?

– «Свет мой, зеркальце, скажи»?

– Кажись, Пушкин написал? Это до него слухи про мое зеркальце дошли.

– Зюзюка, у тебя мания величия, а еще ты врушка! Пудреницу бабушке ее поклонник подарил в уже вполне совет-

ские времена.

– Не знаешь ты ничего! Раньше зеркальце у меня было другое, без всякой там пудры, старинной веденецкой работы... Да разбилось оно в революцию... А меня прабабка твоя сохранила и дочке своей передала.

– А ты без зеркальца не могла?

– Могла, но только на словах, без картинки, не так впечатляло, ну вроде как нынче все больше телевизор смотрят, а радио мало слушают, с картинкой-то оно убедительнее... А когда бабке кавалер-то пудреницу подарил, оказалось, она тоже веденецкой работы...

– Теперь это называется венецианской работы...

– Ах да, я запамятовала, бабка твоя говорила, старость не радость... Да, вот еще, ты это... помалкивай про меня, подругам своим не вздумай болтать. А то я не смогу тебе никогда больше помочь. Обо мне все знает только моя хозяйка, и никто больше. Вон, бабка твоя уж как тебя любила, все равно лишнего словца не проронила. Постой, а ведь, похоже, конец мне приходит...

– Какой конец, почему?

– Так ты ж бездетная, некому тебе меня передать. Ты померешь, и я с тобой... Ой не дело это, надо срочно тебе дитячком обзавестись, и непременно дочкой, мужчины-то нам не годятся, а внучку ты уж и не дождешься, наверное, возраст вон... Ну если только совсем скоро понесешь... Ой, что это я, вы ж теперь так не говорите, залетишь, вот... Я, ко-

нечно, не очень понимаю, почему это называется «залететь», вот «понесла» — нормально, а залетела... Странно как-то...

– Зюсюка, скажи, а как мне быть, ведь послезавтра этот придет, смерд...

– Не смерд, простолюдин, я слово позабыла...

– Простолюдин? Ну пусть простолюдин, – засмеялась я. –

Он мне нравится.

– Ты замуж за него хочешь или так, поблудить?

– Ну, сперва надо, наверное, поблудить, а там видно будет.

– Да что видно-то, где? Именно ничего не видно, зеркало вон пустое. Он тебя обесчестит... и сгинет.

– Обесчестить меня уж никак нельзя, это со мной ох как давно случилось...

– Поблудить очень охота?

– Охота, Зюсюшенька, – вздохнула я.

– Ох и нравы у вас нынче, ох и нравы, даже бабка твоя, хоть и любила поблудить, но вслух никогда...

– Времена меняются.

– Да уж, я насмотрелась... Я же одно время при дворе жила, тогда тоже блудили... Ох блудили! Это потом, в имении у Милорадовых девицы себя блюли, по такой надобности никогда ко мне не обращались, только все про замужество, ну а уж как замуж выйдут, бывало, и блудят, куда ж денешься, но я их от больших бед остерегала. Одной барышне, да нет уж, барыне тогда, не помню сейчас, кем она тебе приходилась, я помогла... Муж у нее хороший был, добрый, щедрый, кра-

савец собой, а она возьми и влюбись в прощельгу заезжего. Супруг-то делом занят был, заводы у него за Уралом имелись, не лежебока какой-нибудь, а ей-то, голубоньке, скучно, она все романы читала, на клавикордах играла, вышивала, а тут барин один к соседям гостить пожаловал, она и влюбилась со скуки-то, грех между ними случился, она даже про меня забыла, вскружил он ей голову-то и стал подбивать с ним в Париж ехать... Клялся, божился, что все устроит, вывезет ее тайком из России, вроде как свою сестру, никакие преграды ему не страшны, мол, ну сама знаешь, чего мужчины сгоряча обещают, и она, дуреха такая, уж в дорогу собираться начала, тайком от челяди...

– И что? – в нетерпении перебила я.

– Совсем уж было приготовилась... Ай, я вспомнила, Дунечкой ее звали, так вот Дунечка стала свои фамильные драгоценности собирать, а их много было, дорогушие, и тут обо мне вспомнила. Зюзюка, говорит, покажи, что со мной будет? Ну я и показала... Сидит она в убогой комнатенке на постоялом дворе, без денег, без драгоценностей, одна-одинешенька и слезами горячими умывается. Побелела вся и спрашивает: «Зюзюка, милая, что же он, меня бросит?» «Беспрременно бросит, – отвечаю, – видать, прознал про твои драгоценности, вот и решил со своей любовницей, которую за сестрицу выдавал, обмануть тебя таким макармом...» Она как ножкой топнет, как закричит: «Все ты врешь...» А у самой в голосе отчаяние, понимает она, что я правду говорю.

Поплакала она, покричала, а потом одумалась. Отказала тому прощельге и с тех пор только о муже и детях до самой смерти думала. Умерла она не старой, от грудной жабы, а перед смертью все меня под подушкой держала, просила доченьку ее беречь, а еще сказала: спасибо тебе, моя милая Зюзюка, если бы не ты, я бы и свою жизнь погубила, и Ванечкину, и деток... С этими словами и отошла... Да, вот еще что, имей в виду, я и днем все знаю, все слышу и вижу. Ох, устала я с непривычки-то, спать хочу, да, и если блудить с простолюдином вздумаешь, ладно уж, блуди, но не просто так...

– А как?

– Ну, чтоб понести, тьфу, залететь... Может, дочка получится, так еще пожить охота...

И она умолкла. Видимо, заснула. Я ущипнула себя за руку, больно... Значит, мне это все не приснилось. Зюзюка на самом деле ожила. Знаете, как уютно, как защищенно я себя почувствовала. Есть на свете кто-то – или что-то? – кому я небезразлична, кто лучше меня знает историю моей семьи и пусть из эгоистических побуждений, но заботится о продлении рода... С ума сойти! Или я уже сошла с ума и мне это просто примерещилось в бреде сегодняшней эйфории?

Я положила Зюзюку под подушку, легла и сразу уснула.

Утром первой моей мыслью было – это все сон. Я схватила Зюзюку, но она была такой, как всегда. Достала пудреницу, открыла... Ничего интересного, пудреница как пудреница. Конечно, мне все просто приснилось. Но на руке красоч-

вался синяк... и как прикажете это понимать? Смешно ведь думать, что в двадцать первом веке у сорокалетней, вполне нормальной женщины... хотя, может, я оболющаюсь и я далека от нормы? А ущипнуть себя могла и во сне, запросто... Ладно, буду считать, что это был сон, а ночью посмотрим... А пока буду готовиться к приему... простолюдина! Смешно, ей-богу... Между прочим, он с виду очень даже породистый... Ерунда. Просто я, видно, так измучилась от одиночества... И вдруг меня осенило: а ведь вчера был день смерти бабушки... А я, мерзавка, забыла.

– Прости, Зюзюка, я забыла.

Да, кажется, я все-таки спятила.

И я поехала на Донское кладбище, положила цветы на бабушкину могилу, ее любимые желтые хризантемы...

Я вышла из лифта и обмерла. У двери Егора сидела собака! Дивной красоты голубоглазая хаски. Она сидела и улыбалась! Господи, какая прелесть! И тут же я вспомнила, что именно такую собаку видела в пудренице. Ничего себе!

Я уже вставила ключ в замок, но меня неудержимо тянуло пообщаться с собакой.

– Привет, собака!

Она еще шире улыбнулась.

– Тебя можно погладить?

Наверное, я бы не очень удивилась, если бы она мне ответила. Но собака молчала. Я погладила ее. Похоже, она была мне благодарна.

– А чего ты здесь сидишь? Ты чья?

В этот момент приоткрылась дверь еще одной квартиры. На площадке их три. Оттуда выглянула пожилая дама.

– Здравствуйте! – сказала я. – Я ваша новая соседка, меня зовут Дарья.

Дама весьма благосклонно улыбнулась в ответ и вышла на площадку.

– Очень, очень, рада! Меня зовут Эмилия Казимировна. Вы уже окончательно переехали?

– Да. Может быть, зайдете ко мне как-нибудь по-соседски.

– О, с удовольствием, а вы одна будете жить?

– Да, одна. А что это за чудная псина?

– Так это же Себастьян, пес Егора. Вы с ним еще не знакомы?

– С Егором чуть-чуть знакома, а вот с этим красавцем еще не имела чести... Но почему он тут сидит? Егора нет дома? Или он сбежал, а Егор его ищет?

Дама вдруг прижала палец к губам и подошла ко мне совсем близко.

– Нет, в том-то и дело, что Егор дома, и у него сейчас... женщина, ну вы понимаете? А Себастьян при... этом не желает присутствовать... воеет, вот Егор его и выставляет.

– Значит, вся лестничная клетка знает, когда к нему дамы приходят и зачем? – засмеялась я.

– То-то и оно.

В этот момент в ее квартире зазвонил телефон. Дама сму-

ценно развела руками и засемила к себе.

– Себастьян, может, в гости зайдешь? – я открыла дверь своей квартиры и пригласила пса.

Но он сидел как вкопанный.

– Ладно, не хочешь, не надо. Ну пока, брат!

Мне, конечно, было смешно, но зато я поверила в Зюзюку! Правда, она и сама не понимала, почему в зеркале отразился Себастьян, но, скорее всего, это означает, что пес для хозяина важнее и дороже баб, которых он трахает, хоть и выставляет его за дверь. Ну что ж, спасибо, Зюзюка, за своевременное предупреждение. Значит, сосредоточим свое внимание на Германе. Сословные предрассудки предков меня не занимают. В наше время простолюдин на джипе – уже не простолюдин, а крутой мужик, а крутыми мужиками пренебрегать глупо, это ведь так сексуально – крутой мужик! Правда, для полноты картины он должен был бы быть еще и наголо бритым, но...

Я что-то стряпала, наводила лоск в квартире и с невероятным нетерпением ждала ночи. Мне так хотелось поболтать с Зюзюкой!

Едва пробило полночь, я схватила свою старую подружку.

– Зюзюка, милая, здравствуй.

– Здравствуй, Дашутка, пустой у тебя нынче денек был.

– Почему пустой? – удивилась я. – Я столько дел перделала, в ДЭЗ ходила, на почту, на рынок смоталась, без ма-

шины-то тяжело, непривычно.

– Мне все это неинтересно. Моя забота другая, сама знаешь! Кавалера нынче никакого не встретила, так и беспокоить меня нечего попусту, – даже как-то сварливо проговорила она.

– А что, с тобой можно только мужиков обсуждать?

– А ты думала? Для другого у тебя подружки есть. А я в ваших делах ничего не смыслю. Вчера-то я для знакомства разболталась, и хватит. Завтра к тебе простолюдин придет, тогда и поговорим, все, я спать буду.

– Вот это афронт! Как сказала бы моя первая свекровь. Ну, Зюзюка, а ты, оказывается, с характером. А если я вообще больше ни одного мужика не встречу, ты и говорить со мной не станешь?

Но она молчала.

– Ну и ладно, охота была всякие бредни слушать про матушку государыню. Да я про нее небось побольше твоего знаю, в юности историей увлекалась.

Все напрасно. Зюзюка была непреклонна.

Утром я решила пойти купить цветов, в доме у женщины обязательно должны быть цветы, так учила бабушка. Интересно, а простолюдин придет с цветами? Тьфу, что за глупость, привязалось это идиотское словцо позапрошлого века! Герман для меня пока просто Герман, а там посмотрим... Я представила себе, что он меня обнимает, и мне понрави-

лось, у него такие большие сильные руки... Когда он на месте аварии взял мое лицо в ладони и заглянул в глаза, пусть с медицинскими целями... По уже образовавшейся привычке я сунула Зюзюку в сумку и подумала, что вечером я ее в сумке и оставляю, а то если дело все же дойдет до «блуда», ее присутствие в спальне может мне здорово помешать. Черт побери, хорошее забытое слово «блуд»! А то все трах или того хуже е... В сталинские времена мою любимую Анну Ахматову в газетах называли блудницей... Даже почетно для меня, тем паче что я и не помню уж, когда в последний раз блудила. Во дворе я сразу увидела Егора с Себастьяном.

– Привет, Даша!

– Боже, какая собака! – притворилась я, что впервые вижу Себастьяна, чтобы не смущать соседа. – Это хаски?

– О, вы разбираетесь в собаках?

– Да не очень, но такую красоту нельзя не знать. А можно ее погладить?

– Это мальчик, Себастьян. Можете его погладить.

– О, привет, Себастьян, рада познакомиться.

Он улыбнулся и, как мне показалось, заговорщицки мне подмигнул, оценив мою деликатность. И вдруг подал лапу.

Я удивилась, но с удовольствием пожала ее. Егор же удивился несказанно.

– Чудеса, да и только! Он никогда не дает лапу никому, кроме меня. Что бы это значило?

– Думаю, только одно – я ему понравилась! Впрочем, как

и он мне. И я даже чувствую себя польщенной! Ладно, сосед, я спешу, пока!

Ай да Себастьян, какую разыграл сцену! А может, зеркало показало мне Себастьяна как ключевую фигуру моего с Егором романа? Да, скорее всего. Он ведь так удивился поступку собаки, что явно заинтересовался мной. Иной раз удивление – это уже полдела. И вполне возможно, он решит, что стоит поэкспериментировать, завоюет пес во время его... блуда со мной? Тьфу, вот привязалось! Мне стало вдруг так весело, так хорошо, но тут же я поняла – чепуха, не рискнет такой мачо заводить шашни с соседкой, это ж недальновидно, откуда он знает, что я не стану в дальнейшем портить его сексуальную жизнь? И вообще, мне это ни к чему. Еще влюблюсь в него, буду ревновать, мучиться, нет уж, не желаю! Егора мы вычеркиваем из списка претендентов!

Я приготовила скромный, но вкусный обед, решила, что кормить его буду на своей новой шикарной кухне. Первый гость... Часов в семь я была уже готова и начала волноваться. Включила телевизор, ни на чем не могла сосредоточиться и вдруг на канале «Спорт» увидела Егора! Он вел какую-то программу. Ого, оказывается, он спортивный комментатор! Вот только этого мне и не доставало! Телевизионщик! Когда в конце программы я увидела титры, то поняла, что он ко всему еще и олимпийский чемпион по фигурному катанию! Но хорош, черт бы его взял! Нет, мне такой хоккей не нужен,

впрочем, вместе с фигурным катанием!

Но передача здорово отвлекла меня от ожидания простолюдина. Тут зазвонил телефон.

– Даша, это Герман!

Похоже, я буду сидеть с мытой шеей!

– Даш, у нас ничего не отменяется?

Слава богу!

– Нет, я жду вас!

– Так я подымусь?

– Вы уже внизу? – запаниковала вдруг я.

– Да. Код какой?

Я быстренько глянула в зеркало, кажется, все в порядке, и прильнула к глазку. У лифта стоял Егор! Хорошо бы он столкнулся лицом к лицу с Германом. Мечты иногда сбываются, пусть даже такие крохотулечные! Едва подъехал лифт, оттуда с букетом роз вышел Герман. Он был на целую голову выше Егора. Я сразу открыла дверь и успела заметить весьма любопытный взгляд любвеобильного соседа.

– Даша! Привет! – расплылся в улыбке Герман. – Я, кажется, не опоздал!

Егор уехал.

– Привет, заходите, Герман!

– О, как у вас красиво, краской еще пахнет, недавно ремонт делали?

– Я только на днях сюда переехала, вы самый первый гость!

– Кстати, я боялся, что сегодня не смогу прийти, до шести все еще было неясно, но вот вырвался, очень уж хотелось вас повидать. Но у меня всего только два часа, и я не смогу выпить даже глотка – работа, ничего не попишешь. Вы не обиделись?

– Да нет, почему я должна обижаться? Работа святое дело, я понимаю.

– Вы умница, что не добавили «для мужчины».

– Почему? – засмеялась я. Хотя я, конечно же, обиделась.

Он что, сюда жрать пришел?

– Тогда бы это значило, что вы все-таки обиделись.

– Я вообще-то не обидчива.

– Здорово, а то я подумал... Вы ж вот обиделись на того типа...

– На какого типа? – искренне не поняла я.

– Который сломал кровать...

– Да что вы, я ему безмерно благодарна!

– За что?

– Это было последней каплей, и я начала новую жизнь!

– Назло ему? – усмехнулся он. – А где у вас можно руки помыть?

Я показала на дверь ванной. Станный тип...

– Ох, я такой голодный, с утра ничего не ел.

Он мне жутко нравился, но я понимала – сегодня ни-ни! Второпях я не люблю. Если полезет, получит отлуп. Я чувствовала, что тоже ему нравлюсь, но уже через несколько ми-

нут поняла, что и он не хочет впопыхах, и совершенно успокоилась.

– А ты вкусно готовишь, мне нравится, моя бабушка тоже такой грибной суп варила, с геркулесом...

В голосе этого громилы прозвучала нежность.

– Вы любили бабушку?

– Да, я практически вырос у бабушки с дедом. Дед был военный инженер, а бабушка окончила Питерскую консерваторию по классу флейты. Играла в оркестре Большого театра. Она была маленькая, хрупкая, а я уже в четырнадцать вымахал до метра восьмидесяти пяти, она мне едва до подмышки доставала и все смеялась: «Герка, ты нарочно так вырос, чтобы я не могла тебя поцеловать...» Бабка была дворянских кровей, правда, с детства привыкла это скрывать...

Вот тебе и простолюдин, ошибочка вышла, драгоценная Зюсюка.

– А дед тоже был высокий, сильный, только, в отличие от бабки, молчун. Она все смеялась: «Вася привык хранить военные тайны, и из всего делает тайну, даже из неправильно вросшего ногтя на ноге...» Ох, извините, не к столу будь сказано... А это что такое? Так вкусно пахнет...

– Баранина с овощами.

– Люблю баранину...

Он много рассказывал о себе, почти ни о чем меня не спрашивая. Рассказывал даже такое, что не принято рассказывать мало знакомым дамам. А я слушала с удовольствием,

мне было интересно, это во-первых, а во-вторых, мужчины любят, когда их слушают не перебивая. И чем больше он говорил, тем яснее я понимала, что он обязательно еще придет.

Время стремительно приближалось к часу его ухода.

– Даш, ты прости, что я все о себе и о себе, тебе почему-то хочется рассказывать... Я сегодня выболтал что-то такое, чего не говорил никогда и никому, сам не знаю, что на меня нашло... И ведь что самое смешное, стрезва2... Знаешь, мне так хочется посидеть с тобой, никуда не спешить, выпить... А давай поедem ко мне на дачу, я там редко бываю, там живет один мой товарищ, от жены ушел, то-сё, а мне лучше, чтобы кто-то там жил... А?

– Можно, но у тебя бывает свободное время?

– Бывает, конечно, но... Ты извини, мне уже пора, я знаю, неприлично уходить сразу после еды, но...

– Ладно, дворянин, будь проще! Ты много о себе рассказал, вот только я не поняла, почему ты занялся таким, прямо скажем, недворянским делом, как охрaнное агентство?

Он рассмеялся.

– Я тебе все расскажу, что ты захочешь узнать, кроме своих женщин, об этом извини...

– Зачем мне твои женщины? – удивилась я.

– По-разному бывает... Ну ладно, спасибо тебе, знаешь, я когда увидел тебя в машине, рыжую, бледную, я сразу понял – неспроста... Ну все, ужин был – супер!

Он как-то замялся на пороге.

– Можно я буду звонить?

– Конечно.

– Хочу заранее извиниться, могу иногда пропасть на несколько дней, со мной бывает, работа такая... Но ты тоже звони, если я не могу разговаривать, я отключаю телефон. Для работы у меня другой...

– Поняла.

– Пока... Как неохота уходить...

– Иди уже, опоздаешь!

Он ушел. До пробуждения Зююки было чуть меньше двух часов. Меня так и подмывало разоблачить старую ворчунью! Смерд, простолюдин! Ничего она не понимает и вообще врушка! И он мне вполне подходит, нравится, волнует и даже вызывает некоторую жалость, несмотря на рост, силу и околобандитскую профессию. Он – мачо, в нем есть загадка, а еще накаченные мускулы, широченные плечи... А Егор? Егор мне тоже нравится, но... И вдруг я подумала: Дарья, да ты рехнулась! Ты живешь в двадцать первом веке, тебе сорок лет, позади трудная жизнь, два мужа, были еще романы, и чем ты занимаешься, идиотка? Тебе надо не о мужиках думать, а работу искать! На мужиков нынче надежды нет, самой надо себе старость обеспечивать... А ты руководишься представлениями Зююки! Дворянин – не дворянин! Секс, конечно, важная составляющая, но сама жизнь куда важнее, а в твоём возрасте искать такого мужа, чтобы тебя содержал, по меньшей мере глупо. Денег у тебя хватит

ну на год, если прижаться, на два, а дальше что? А ведь еще и машину надо купить! И к чертям Зюзику, она безнадежно отстала от жизни... Но сегодня я еще поговорю с ней, надо ж утереть ее кожаный нос, а потом займусь вплотную поисками работы. И обязательно надо созвать на новоселье старых знакомых. Новая жизнь не означает забвения старой.

Наконец пробило двенадцать. Я вытащила Зюзику из сумки.

– Знаю, знаю, ошиблась я, бывает... Только все равно не годится он тебе, этот Герман.

– Почему?

– Он от тебя сына скрывает.

– Какого сына?

– Сын у него есть, прижил когда-то, а мать спилась, он ребеночка-то отобрал, теперь воспитывает, тетка ему помогает.

– Какая тетка?

– Его родная тетка. И он твердо решил не жениться. Так что не женится он на тебе, не рассчитывай.

– Да я и не думала о замужестве.

– И в отцы нашей девочке он не сгодится.

– Какой девочке?

– Ну ты ж девочку родить должна, пока еще не поздно.

– А почему он в отцы-то не годится?

– Генетика плохая!

– Что? – мне показалось, что я ослышалась.

– Генетика, говорю, плохая, наследственность, не понимаешь, что ли?

– Да ты-то откуда про генетику знаешь?

– Глупый вопрос, откуда я вообще все знаю? Так вот, ма-тушка его от туберкулеза померла, и у мальчишечки тоже легкие слабые, вот он его у тетки за городом и держит. Где воздух свежий.

– Значит, про товарища на даче он наврал?

– Да нет, это правда, только ребеночек у тетки живет, тет-ка у него помешанная на здоровом образе жизни, живет в деревне, козу держит, козьим молочком мальчика поит...

– А почему ж он мне этого не сказал?

– А, видать, не хочет, чтобы ты... Словом, в мачехи парню не годишься.

– Почему не гожусь?

– Да вообще-то сгодились бы, но он так считает, и тут уж я ничем тебе не помогу. Я ж знаю – негодный он для тебя.

– Тогда зачем приходил?

– Для блуда.

– Так ничего же не было.

– А он думает, что будет!

– А будет?

– Нет, не будет.

– Почему?

– Прошлое помешает, которое и есть будущее.

– Какое прошлое?

– Зачем заранее говорить? Может, и не сладится ничего.

– А если в зеркало заглянуть?

– Глянь, попробуй.

Я открыла пудреницу и увидела в зеркальце зад удаляющегося джипа с номером Германа.

– Значит, тут и надеяться не на что?

– Забудь!

– Но он мне понравился!

– Как понравился, так и разонравится. Он, если хочешь знать, как выпьет лишнего, так баб своих лупит! Вон, глянь!

И я увидела в зеркальце, как Герман со всего маху бьет по щеке какую-то блондинку.

– Может, за дело? – с робкой надеждой спросила я.

– А я почему знаю!

– Ну, допустим, а что скажешь насчет Егора?

– Это который сосед с собакой?

– Да.

– Он тебе пригодится.

– Для чего?

– Не знаю пока. Мы с ним еще мало знакомы. Вот позови его в гости, тогда я разберусь. Или сама к нему в гости сходи, только меня взять не забудь. Ну все, я спать хочу. Ты сегодня меня обидела.

– Я?

– Ты, ты! Еще как обидела!

– Чем это?

– А ты обо мне плохо думала! И старая ворчунья я, и врушка, и вообще ничего в вашей жизни не понимаю, у вас на дворе двадцать первый век, а Зюсюка устарела, и не надо ее слушать... Так что пока, чувиха!

И с этими словами она уснула. Ни фига себе, она мысли читает... И... Интересно, неужели у Германа действительно есть сын, про которого он умолчал?

– Есть, есть, не сомневайся. Я одну ошибочку сделала, да и не такая уж ошибочка-то... ты из высородных дворян, а он из захудалых, худородный... Так что, как ни крути, не пара он тебе. Все!

Она и вправду читает мысли! Мне стало как-то неуютно. Мало ли что приходит в голову сорокалетней незамужней женщине, у которой давно не было мужика.

Утром меня разбудил звонок Кристины.

– Подруга, привет! Разбудила?

– Да!

– Ничего, просыпайся, а то все на свете проспичь! Я соскучилась и вообще жажду тебя навестить, у меня есть шикарный подарок на новоселье! Давай адрес, я сейчас приеду! И никаких возражений!

– Ладно, черт с тобой!

– И имей в виду: я еду к тебе завтракать!

– Поняла. Сколько у меня времени?

– Час!

Я побежала в ванную, потом быстренько оделась, застелила постель, окинула взглядом квартиру, все ли в порядке, поменяла воду в розах, принесенных худародным дворянином – здорово он, однако, повысился в звании, – все же от смерда до худародного дворянина дистанция немалого размера. Но, как ни странно, мысль о нем после беседы с Зю-зюкой была уже какая-то отстраненная, как будто я смирилась с его потерей. Выходит, у этой старой варежки есть на меня влияние. Чудеса, да и только! Интересно, к чему это приведет?

Кристинка явилась с целым ворохом пакетов, один из которых был огромным.

– Вот, держи! – с порога она протягивала мне именно этот огромный пакет. – Хотя постой, поди-ка сюда! – она за руку вытащила меня на лестничную площадку, выхватила что-то круглое и мягкое из пакета и швырнула в прихожую. – Вот теперь твое проживание здесь можно считать легитимным! (Когда-то Кристина работала помощником депутата в Государственной думе).

– Что это? – ошалело спросила я.

– Кот!

Это и в самом деле был кот! Огромный круглый котище, связанный из шерсти, рыжий в коричневую крупную полоску.

– Господи, Дашка, что ты с собой сделала! – всплеснула руками Кристинка, только сейчас заметив мои рыжие куд-

ри. – А здорово! Тебе идет, и котяра тебе в масть! Скажи какой, а? Я хотела живого котенка, а потом подумала: в твоём возрасте ты всю любовь обрушишь на маленькое живое существо, никуда не сможешь уехать и все такое, и я разорилась на этого... Он дорогой, зараза, но неотразимый, правда? Давай, показывай хоромы! Да, впечатляет! Конечно, если бы в такой вид привести старую квартиру...

– На какие шиши?

– Тоже верно! Зачем жалеть о прошлом? Ура! Мне нравится! А что с соседями? Успела познакомиться?

– Слегка! Пожилая дама и Егор Ольшанский.

– Какой Ольшанский? Фигурист?

– Да.

– Ни фига себе, он потрясающий...

– Потрясающий? Фигурист или...

– Или я не знаю, а фигурист точно потрясающий, мужик офигительно красивый!

– Собака у него офигительно красивая, а он... молод для меня.

– Ему тридцать семь. И чему это мешает? Он, кажется, в разводе.

– И к нему стоит очередь баб.

– Дашка, знаешь, что я тебе скажу, – пристально глядя на меня, вдруг заявила Кристина. – Ты вошла в свой возраст. И с этим цветом волос... Ты дико похорошела! Дико! Вот мой возраст уже прошел, он был с двадцати пяти до тридца-

ти восьми, наверное. Но я не расстраиваюсь, я все успела, что собиралась: нашла небедного мужа, родила нормального здорового пацаненка, до тех пор налюбилась и наработалась за троих, так что... Скучновато, правда, иногда бывает, хочется бурных чувств, но ты же знаешь, у меня радио всегда было на первом месте. А у тебя все, что раньше было, – только прелюдия, а концерт и не начинался... Как насчет Ольшанского?

– Да брось, это не мой тип и не мой случай.

– Все равно, не любовник, так друг... Такой друг пригодится, к нему наверняка ходят классные мужики... и если он поймет, что ты на него не претендуешь, то может проникнуться доверием и начать приглашать тебя куда-нибудь или к себе, когда друзья придут... Иными словами, тут есть перспектива.

Я вспомнила предсказания Зююки: Егор тебе пригодится. И теперь я, кажется, знаю, в каком качестве. Кристинка – это Зююка номер два! Не многовато ли на меня одну?

– Я так понимаю, что с работой пока глухо?

– Как в танке.

– Это хреновато... Хотя... Уверена, что скоро подвернется что-то стоящее, главное, не паниковать.

– Я пока и не паникую, но мне все же сорок лет. Карьеры уже не сделать, но хоть надежный кусок хлеба...

– Ты больная? Что такое сорок лет? Да вот когда моей маме было сорок, случилась перестройка, вся жизнь полома-

лась, и никто из ее подруг не пропал! Почти все нашли новую работу. И карьеру, кстати, многие сделали, вот мужики да, они в большинстве своем спились, опустились, хотя тоже не все, но теперь ведь у нас мужчины – слабый пол. А ты глянь на себя в зеркало! Тебе от силы тридцать два можно дать, ты с этими волосами вообще – отвал башки! Не желаю я больше слушать эту упадническую чушь! Ты начала новую жизнь! И давай за это выпьем!

– С утра пораньше?

– Какая разница, мы ж не будем целый день квасить. И вообще, невежливо не рассмотреть подарки! Итак, котяру посадим в угол дивана, смотри, он прямо рожден для этого места, красавец! Скажи, разве не красавец? Как ты его назовешь?

– Надо подумать.

– Назови его просто Барсиком или Мурзиком, чего выдрючиваться.

– Да ну, он такой здоровенный, какой из него Мурзик. Скорее уж Бегемот.

– Думаешь, он будет сидеть и примус починять? Дудки! И вообще, к черту литературные реминисценции. Предлагаю Афанасия! Есть в нем что-то такое...

– А что, мне нравится. Кот Афанасий! Солидно, основательно... Годится.

– Только Афонею не зови, ему не идет. Просто и достойно – Афанасий. У вас есть кот? Да, его зовут Афанасий!

Класс! Возьми его на руки, я вас сниму!

Она вытащила из сумки полароид и через минуту уже протягивала мне снимок: я ахнула – снимок был такой гламурный, я на нем такая красивая, а Афанасий такой милый... Что-то совсем из другой жизни. Интересно, а он ночью не станет учить меня жизни, он ведь тоже вязаный...

Потом Кристинке кто-то позвонил, и она умчалась со словами:

– К чертям мерихлюндию, Дашка! У тебя есть все основания радоваться жизни, а когда человек ей радуется, то она старается хоть изредка его побаловать!

Кристинка – безумная оптимистка, и я легко и охотно заряжаюсь ее настроениями. Я вообще поддаюсь влиянию, правда, до определенного предела, а потом бунтую, но все же... Вот, к примеру, после беседы с Зюзюкой я почти не думаю о худородном дворянине. И тут я вспомнила, что у меня ведь нет машины. А может, и не стоит ее покупать? Зачем мне она? Сейчас в Москве ездить такая мука, эти вечные пробки, наглые и неопытные водители, от которых сплошь и рядом не знаешь, чего ждать, жулики и вымогатели в авто-сервисах, да даже если я буду ездить на такси, мне это обойдется намного дешевле... Ладно, там будет видно, сперва надо найти работу...

Я взяла телефон и стала обзванивать старых знакомых, чтобы сообщить новый номер телефона и заодно закинуть удочку – вдруг кто-то что-то услышит насчет работы. Прав-

да, в этот час я далеко не всех застала, а звонить по таким делам на мобильный просто бессмысленно. И каждый, с кем я говорила, спрашивал: когда новоселье? Но мне была непереносима даже мысль о том, что ко мне ввалится толпа гостей, мало чем друг с другом связанных, некоторые перепьются, как водится, кто-то с кем-то поссорится, хорошо, если не подерутся, кто-то будет лопаться от зависти... Нет! Ни за что!

И вдруг в дверь позвонили. Кто бы это мог быть? На пороге стояла соседка Эмилия Казимировна с горшочком розовых гиацинтов.

– Извините, Даша, я не вовремя? Вот, хочу поздравить вас с новосельем.

– Спасибо, спасибо огромное, заходите, Эмилия Казимировна, сейчас будем пить кофе или чай. Я очень рада!

– Вы переносите запах гиацинтов? А то у некоторых бывает аллергия...

– Не просто переношу, а обожаю! Ничего, если мы на кухне посидим?

– Конечно, мы же соседки. Я так понимаю, мы все трое одиночки?

– Трое? – не поняла я, занятая завариванием чая.

– Ну да, вы, я и Егор. Он, кстати, очень славный человек, но бабник жутчайший.

– Я уж поняла. Но мне это как-то все равно.

– А я, кстати, люблю бабников, они умеют общаться даже с женщинами, на которых не имеют видов. А это приятно...

– Не думала об этом, но, кажется, вы правы.

– Дашенька, простите за нескромность, вы где работаете?

– Ах, в данный момент нигде, я пока безработная. Я начала новую жизнь...

– А, поняла, но профессия у вас есть?

– Да, я окончила филфак МГУ, романо-германское.

– Боже мой, я в свое время тоже училась на романо-германском, потом работала в издательстве «Прогресс», а потом вышла замуж за дипломата и на этом моя карьера закончилась. Мы с мужем где только не побывали...

– Моя мама работала в «Прогрессе»! И, как я понимаю, примерно в те же годы...

– Как ее звали?

– Алла Евгеньевна Шапошникова, по мужу Милорадова...

– Аллочка Шапошникова? Боже мой, я прекрасно ее помню, она была такая хорошенькая, такая женственная, только очень много курила, да?

– Да, правда... Как свет мал...

– Так вы ее дочка? А мама...

– Мама умерла пять лет назад...

– Ох, простите, Даша... Но как же вы...

– Я живу одна, поменяла огромную родительскую квартиру, вернее, продала, купила эту, и мне пока есть на что жить, сейчас вот ищу работу...

– У вас какие языки?

– Французский, итальянский и английский...

– Знаете, Даша, я ничего не обещаю, но попробую вам помочь.

– Да? Вот было бы здорово! А что за работа?

– Знаете, у моей дочери своя фирма, и как раз на днях она говорила, что ей нужен человек с итальянским, она затевает бизнес с Италией, я в этом ничего не понимаю, но попробовать стоит!

– А какой бизнес, я ведь могу совсем не знать специфики и терминологии.

– Ну, Даша, терминология дело наживное, я сама когда-то взялась за технический перевод, абсолютно ничего не зная о сути предмета, два-три дня со специалистом – и я щелкала тексты, как орехи... И мне это нравилось, хотя я все равно ничего в технике не понимала.

– Вообще-то вы правы. Так чем занимается ваша дочь?

– Она поставляет модным домам Европы изделия русских художников, но не живопись, а кружева, батики, вышивки и все в таком роде... А все началось с того, что Ирочка попала в сибирский городок Мухлынь, где плетут удивительные кружева, о которых никто как-то не знал, в отличие от вологодских, елецких и других. Муж ее бросил, надо было как-то жить, и вот тут ее осенило... Она занялась этими кружевами, вывезла их в Германию и показала одной женщине, модельеру, та ухватилась, и они вдвоем организовали совместную фирму. Что Ирке пришлось пережить... Знаете, как у нас –

валяется капитал под ногами, никто и не замечает, а нашелся один приметливый, так сразу и остальным захотелось... Там, в Мухлыни этой, мэром женщина одна, умная, энергичная, она и поддержала дело, они там цех открыли кружевной... Но, боже мой... мне постоянно боязно за Ирку, она такая отчаянная... Впрочем, что это я разболталась, надо брать быка за рога! Я сию минуту позвоню дочке! Она схватила телефон: Иринка, ты сейчас можешь говорить? Нет, ничего не случилось, просто ты на днях жаловалась, что у тебя нет надежного человека с итальянским? Да, у меня есть кандидатура. Это моя новая соседка, оказалось, что я работала с ее мамой, а сама Даша окончила филфак, у нее итальянский, французский и английский! И она как раз ищет работу. Думаю, твоя ровесница. Она из очень хорошей семьи.

Я вся дрожала. Неужто повезет?

– Да, обязательно! Хорошо, хорошо, ладно, беги! Даша, завтра в двенадцать тридцать сможете быть у Иринки в офисе? Он находится в Головином переулке. Я вам дам адрес.

– Разумеется, буду! Не знаю, как вас благодарить-то, Эмилия Казимировна...

– Бросьте, Даша, пока благодарить еще рано, но мне почему-то кажется, что все получится и, более того, вы с Иринкой подружитесь. У вас есть что-то общее, а, кроме того, я просто считаю своим долгом помочь вам, как однажды мне помогла ваша мама. Да не просто помогла, а буквально спасла меня, ну, если не от ареста, то уж от увольнения с волчьим

билетом точно.

– Я ничего об этом не знаю, расскажите, Эмилия Казимировна! Умоляю!

– С удовольствием расскажу! Дело было в семидесятых, кажется, в конце шестидесятых... точно года уже не помню, но только кто-то привез мне какую-то запретную книжку, то ли Оруэлла, то ли Авторханова, а может, и Солженицына. Не помню. Мы с Аллочкой симпатизировали друг другу, но особой дружбы не было, я больше с Лоркой Шостко дружила... Лорка с Аллой в одной комнате сидели, а я в другой. И вдруг как-то вечером звонок в мою дверь. На пороге Алла, бледная, лоб в испарине, я испугалась. А она молча берет меня за руку, выводит на лестницу и шепчет: «Не вздумай завтра на работу Оруэлла принести, тебя заметут, я слышала. А лучше всего избавься от книги прямо сейчас, мало ли что...»

Я испугалась страшно и даже решила, что со стороны Алочки это провокация...

Мы ж тогда всех в стукачестве подозревали. Она видит мое состояние и шепчет:

– Ты у Лорки мужика отбила, а она на тебя настучала, что ты запрещенные книги распространяешь...

– А ты откуда про это знаешь?

– Совершенно случайно разговор услышала... Может, ничего и не будет, но подстрахуйся, если что запретное есть, уничтожь! Но уж на работу точно книгу не приноси.

Ох я и растерялась. А она спрашивает:

– У тебя много?

– Книжка и рукопись!

– Сожги!

Вот когда она это сказала, я ей окончательно поверила.

– Как я в коммуналке жечь буду? Подозрительно.

– Тогда давай сейчас же это сюда и поедем к нам на дачу!

Там печка...

Аллочка тогда уже на «москвичонке» ездила, и мы помчались за город, сожгли там все в печке, смеялись и плакали.

Ну, короче, на другой день подходит ко мне Лорка, спрашивает: «Ну, принесла?» Я на голубом глазу отвечаю: «Что?» –

«Книжку». – «Ага, – говорю, – принесла», – и отдаю ей в руки...

поваренную книгу Молоховец, тогда это раритет был, но не крамольный. Смотрю, у нее морда вытянулась. Короче говоря, ночью у меня был обыск. И ничегошеньки не нашли!

Так что, сами понимаете...

– И вы с этой Лорой общались?

– Да нет, она вскоре сама ушла. Очень уж явно все было. Я потом боялась, что меня могут с мужем за границу не выпустить из-за той истории, но нет, обошлось...

– А с мамой как сложилось?

– Первое время мы боялись обнаружить наши отношения, то есть общались как прежде, мы об этом договорились еще на даче, а потом... Жизнь развела, но я всегда жалела, что у меня нет такой подруги... И вот Бог привел встретиться с

Аллочкиной дочкой, и, надеюсь, с вами мы подружимся.

У нас обеих глаза были на мокром месте. Так приятно было услышать эту историю о маме... Она была очень закрытым человеком, я мало что знала о ее молодости, да и вообще бабушка была мне намного ближе. Но от Эмилии Казимировны веяло теплом и атмосферой моего детства. Вот такие интеллигентные редакционные дамы частенько собирались у нас в квартире, вели заумно-диссидентские беседы, распаляясь иной раз до скандала, а иногда эти поборницы свободы и демократии вдруг начинали просто сплетничать по-бабьи и становились как-то симпатичнее, что ли... Я терпеть не могла эти посиделки: «Вчера по “Голосу Америки”... Слышали на “Немецкой волне”... на “БиБиСи”...» Я была еще совсем девчонкой, и меня пугали эти известия, мне становилось плохо, неуютно жить. И я бежала к бабушке, которая тоже все это не любила. Бабушка учила меня языкам, манерам, рассказывала истории из прошлой жизни, она была в молодости красавицей и, как я понимаю, не слишком любила мою мать. Называла ее приятельниц суффражистками и однажды сказала в сердцах, когда в столовой уж очень пылали страсти:

– Ах, Даша, они просто не знают настоящего страха... Времена нынче уж не такие людоедские, вот и позволяют себе... Кстати, не поручусь, что многие из них, особенно яростные, не стучат помаленьку... Вот, например, эта Ада... Не нравится она мне, к тому же дура редкостная, и такая

оголтелая, зря Аллочка ее приваживает, ведь сажают и в наши дни. Впрочем, бог с ними, давай-ка мы лучше послушаем «Волшебную флейту» и я покажу тебе, как надо вязать крючком...

Но я больше любила вязать на спицах, и это умение здорово мне пригодилось в юности. Купить было нечего, я распускала старые свитера и шали, вязала из них модные вещицы и всегда была прилично по тем временам одета почти без всяких затрат. Помню, мама как-то сказала: «Дашка, повезло тебе с бабкой, всему научила, а я как была безрукая, ни на что не годная, так и осталась...»

– Дашенька, хочу только предостеречь... Вы такая красивая, привлекательная, а Егор ни одной юбки не пропускает, он уж и на вас глаз положил... Не стоит с ним...

– Боже упаси!

– Поверьте, девочка, я желаю вам добра... Егор просто еще не перебесился. Он же не мог перебеситься в молодости, все силы отнимал спорт, а теперь наверстывает...

– Да бог с ним, с Егором, он вообще не моего романа, вот Себастьян – это другое дело. Знаете, он мне сам вдруг подал лапу. Егор безмерно удивился.

– Это плохо, деточка, очень плохо!

– Почему?

– Удивился, значит, заинтересовался, ох, а устоять против такого трудно.

– Мне нетрудно. У меня к тому же голова не тем сейчас

занята.

– Ну дай Бог, дай Бог!

Мы еще поболтали о пустяках, обменялись кое-какими рецептами, и она ушла, попросив непременно сообщить ей о моей встрече с Ириной. Что ж, можно считать, что с соседями мне крупно повезло. Посмотрим, на что мне пригодится Егор?

Зююку я вечером будить не стала, и сама она помалкивала – кавалеров в этот день на горизонте не было. А Герман даже не позвонил.

Офис Ирины помещался в полуподвале, но там было просторно, красиво и никаких кабинетов, приемных, секретарш, все друг с другом на ты... Я насчитала пять девушек. Две сидели за компьютерами, одна что-то выясняла по телефону, еще одна варила кофе в кофеварке, одновременно что-то подсчитывая на калькуляторе. Пятая оказалась хозяйкой. Я с первого взгляда поняла, что мы сработаемся и подружимся.

– О, девочки, смотрите, в нашем коллективе явно не хватало рыжей сотрудницы! – со смехом сказала она. – Даша? Проходи, раздевайся, давай пальто, садись! Мама уже ввела тебя в курс дела?

– Нет, ну или в самых общих чертах! Знаю лишь, что ваша фишка – мухлыньские кружева!

– Да, но не только! Ты в подобных фирмах когда-нибудь работала?

– Нет.

– Бог с ним, но компьютер знаешь?

– Конечно.

– И три языка?

– Это да.

– С людьми общаться умеешь?

– Вполне.

– Загранпаспорт есть?

– Есть.

– Ты семейная?

– Нет. Я одна!

– Я тебя беру! Машину водишь?

– Вожу!

– Супер! А машина есть?

– В данный момент нет. Мне на днях ее разбили. Но собираюсь купить.

– Хорошо. Послезавтра должны приехать два макаронника, ты их встретишь, разместишь в отеле и привезешь сюда. Машину возьмешь мою, я сделаю доверенность. Паспорт с собой? Давай сюда! Валя, оформишь все, извини, Даш, пока буду платить тебе тысячу баксов, там поглядим, тебя устроит?

– Для начала, конечно. А можно вопрос?

– Валяй?

– Какие у меня перспективы?

– В смысле денег?

– Не только, главное, в смысле работы...

Она очень внимательно на меня посмотрела.

– Ну, к примеру, место постоянного представителя фирмы в Италии тебя бы устроило? В перспективе, разумеется?

– Безусловно!

– Но ты понимаешь, я должна разобраться, с кем имею дело, так что перспектива довольно отдаленная, не раньше, чем через полгода, к тому же до постоянного представительства еще очень далеко, мы только начинаем переговоры.

– Конечно, – улыбнулась я, – мне не к спеху!

– Отлично, мы друг дружку поняли! – она улыбнулась в ответ. – Завтра к одиннадцати ждем на работу! Поздравляю.

– К одиннадцати! Здорово!

– Конечно! Зачем мне в офисе сонные тетери? Рабочий день, если нет ничего срочного, до полседьмого, если нужно уйти пораньше, всегда договоримся. Вот такие пироги!

– Спасибо, Ира!

– Кушайте на здоровье! Как там мама?

– По-моему, прекрасно, мы уже нашли общих знакомых, и твоя мама знала мою...

– Я рада, что мать там не одна, ой, только не думай, что из-за этого я не буду посылать тебя в командировки.

– А я и не думаю, я просто рада, у меня, кажется, началась хорошая полоса.

Господи, как же мне повезло! Я проработала в фирме по-

чти месяц, и у меня ни разу не возникло даже тени разочарования. Конечно, мои языковые познания были востребованы далеко не каждый день, и в свободное время я просто делала то, что нужно в данный конкретный момент, и вникала в детали, которые, казалось бы, не должны меня касаться. Но так работали все! И никаких склок, никаких перешептываний. Сама Ирина тоже вкалывала будь здоров, не просто наравне со всеми, а едва ли не больше всех. Как-то я спросила ее:

– Ир, а у тебя никогда никаких скандалов не бывает?

– Ну почему, всякое бывает, нервы у людей сдают, но в принципе я разбираюсь в людях, просто на уровне интуиции, ну и опыт какой-никакой есть. Если возникает вдруг зависть, ревность, я быстро избавляюсь от таких сотрудников. Ну и стараюсь учитывать интересы каждого, когда коллектив небольшой и сплошь бабский, это не так уж трудно. А тебе по секрету скажу: я тобой довольна, даже очень. Через месяц едем в Милан. Замутим там новое дело... Ты шить умеешь?

– Шить? Умею, но не люблю. А что?

– Нужно, чтобы у тебя был какой-то туалет с мухлыньскими кружевами. Я всегда на себе демонстрирую, и это производит впечатление. Хочешь – закажем, хочешь – сама сшей, но вещь должна быть европейского уровня.

– А есть кому заказать?

– Конечно. Давай, выбери кружева. Между прочим, тебе понадобятся вечерние платья, как минимум два, и хорошо бы одно с нашими кружавчиками.

– У меня ни одного нет, сроду вечерних платьев не носила.

– Ладно, завтра поедem к портнихе, ты извини, но я пока тебя не так хорошо знаю и хочу присутствовать, это же лицо фирмы...

– Прекрасно, а то я насчет вечерних туалетов не очень, я и носить их не умею.

– Ты имеешь в виду длинные юбки? Это не обязательно.

На другой день мы отправились в ателье к подруге Ирины и заказали там для меня два платья – одно черное, облегающее, с юбкой миди и с безумной пеной белых кружев на одном плече, а второе темно-зеленое, с цветком бледно-зеленых кружев. Цветок крепился на задрапированном поясе.

Кстати, я уже знала, что изначально мухлыньские кружева были только белые, черные и суровые, а цветные – это уже нововведение Ирины, которое бурно поддержали заказчики. Я была в полном восторге.

– Ты почему зеленого не носишь? – спросила вдруг Ирина. – Рыжим, как правило, зеленое к лицу.

– Да я рыжая недавно, не освоилась еще, – призналась я.

– Только не вздумай перекрашиваться, это твое!

– Что ты! Этот цвет приносит мне удачу...

И только тут я вспомнила, что псевдопростолоудин так ни разу мне больше и не позвонил. Выходит, права была Зюзюка? Как давно я с ней не общалась, она уж наверняка обиделась. Но ведь у нее аудиенция раньше полуночи не начинается, а я в последнее время так устаю, что просто не доживаю

до полуночи. Но завтра суббота, и я непременно сегодня с ней побеседую, я даже соскучилась по старой ворчунье, хотя поводов для разговора как-то не наблюдается. Видимо, у меня так не бывает, чтобы и с работой ладилось, и с личной жизнью. Впрочем, то же самое и у всех девочек в нашей фирме – личная жизнь не слишком задалась. У двух есть дети, а мужей они прогнали – за ненадобностью. Случаются иногда любовники, и все.

...У подъезда я столкнулась с Егором и обрадовалась, мы давно не виделись. Он, кажется, тоже обрадовался.

– Привет, соседка, как дела?

– Грех жаловаться!

– С работы?

– Да.

– Ужинала?

– Нет!

– Приходи через сорок минут, накормлю... Я новый соус освоил и хочу на тебе опробовать. Рискнешь? Ко мне еще один коллега подвалит, а без красивой женщины, сама понимаешь, будет вульгарная скучная пьянка.

– Ну что ж, я с удовольствием! От меня что-то нужно?

– Ничего, кроме красоты.

– О! Хорошо, буду через час, сам понимаешь, красота после рабочего дня требует некоторых усилий.

– Да какие там усилия, и так хорошо.

– А будет еще лучше!

...Интересно, что бы это значило? Скорее всего, хочет подсунуть меня своему коллеге или наоборот, коллегу мне? Да какая разница, зато сегодня уж точно будет о чем поговорить с Зююкой. Егор мне должен как-то пригодиться... Может, он пригодится именно сегодня, и его гость окажется именно тем, кого мы с Зююкой ждем? Посмотрим...

Я побежала в душ, навела красоту и достала из шкафа старую зеленую блузку, раньше я ее не любила, а теперь она вдруг так мне понравилась... Блузка была дешевенькая, но сидела идеально. В конце концов, на макароны, пусть и с новым соусом, в такой блузке пойти не стыдно, и ни одна собака, даже умнейший Себастьян, не подумает, что я вырядилась. Да, надо взять с собой Зююку, но как-то глупо идти в соседнюю квартиру с сумкой... Я вытащила пудреницу, а саму Зююку попыталась сунуть за пояс джинсов, но это было очень некрасиво. Тогда я просто сунула в Зююку мобильник, уж его-то я точно возьму с собой, и никто не удивится, мало ли какие сейчас у баб чехлы на телефонах. Посмотрим. Я все-таки взяла из буфета коробку испанского шоколада, которую мне привезла Ирина. Неудобно, даже к соседу, на ужин идти с пустыми руками.

Дверь мне открыл Егор в смешном фартуке с рыбками.

– Молодчина, через три минуты все будет готово.

В прихожую вышел Себастьян и улыбнулся.

– Привет, мой хороший.

Пес протянул мне лапу.

– Да что ж это делается, Даша!

– Просто, он чувствует, что я в него буквально влюблена, а в тебя нет, следовательно, ничем ему не угрожаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.